

РОССИЙСКО-АРМЯНСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МАНУКЯН ОВАНЕС ГЕРАСИМОВИЧ

**“СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ И
БАЛАНСА ВЛАСТЕЙ”
(КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание кандидатской степени
по специальности 09.00.02 – “Публичное право - конституционное,
административное, финансовое, муниципальное, экологическое,
европейское право, государственное управление”

Ереван 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

1. Методологические основы научного исследования судебной власти.....
2. Система судебной власти.....

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

1. Преобразования судебной системы Республики Армения в 1990-1995 гг. ....
2. Первый этап становления судебной власти (1995-2005 гг.).....

ГЛАВА 3. ВТОРОЙ ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

1. Основные направления второго этапа реформирования системы
судебной власти.....
2. Судебная власть в общей системе государственной власти.....

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....

ВВЕДЕНИЕ

1. Актуальность темы исследования.

Процесс построения в Республике Армения демократического, правового государства предполагает осуществление коренных реформ в сфере судебной власти, преобразование судебной власти в самостоятельную и реально независимую ветвь государственной власти. Как справедливо отмечает С. С. Алексеев, изменения в правовой системе демократического общества осуществляются в нераздельном единстве права и независимого и сильного правосудия. Это обусловлено тем обстоятельством, что «насколько бы ни были хороши правила деятельности, они, тем не менее, могут утратить силу и значение в руках неопытных, грубых и недобросовестных людей».

Между тем, опыт постсоциалистических стран показывает, что в процессе построения правового государства проблема формирования независимой судебной власти является наиболее сложной и все еще требующей разрешения.

Такое положение дел обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует заметить, что независимая судебная власть может быть сформирована только посредством самоограничения остальных ветвей государственной власти. Основным предназначением судебной власти является правовое разрешение социальных конфликтов. В качестве стороны таковых зачастую выступают именно органы законодательной (в сфере конституционного правосудия), исполнительной ветвей государственной власти, органы местного самоуправления, отдельные должностные лица. Все указанные субъекты, естественно, имеют свои ведомственные интересы, а должностные лица – еще и индивидуальные, коллективные, иные сугубо личные, частные интересы, реализация которых также зачастую возможна только в конфликтных ситуациях, при содействии судебной власти.

В таких условиях у властных структур зачастую побеждает стремление держать под «контролем» деятельность органов судебной власти и тем самым обеспечивать принятие приемлемых для себя судебных актов. Следовательно, формирование независимой судебной власти в первую очередь предполагает проявление соответствующей политической воли, что, в свою очередь, представляется возможным лишь при наличии «зрелых», с точки зрения восприятия демократических ценностей, гражданского общества вообще и политической власти в частности.

Однако это не единственная преграда на пути к формированию самостоятельной и независимой судебной власти. Судебная власть – очень сложный социальный

феномен, формирование которого требует верного и эффективного решения ряда сложных и взаимосвязанных задач, а именно возникает необходимость: а) в создании качественного законодательства (судебного законодательства), регулирующего общественные отношения, возникающие в сфере формирования и функционирования судебной власти, б) в образовании четкой и эффективной системы органов судебной власти, г) в верном определении объема полномочий судебной власти и четкого распределения этих полномочий между различными судебными инстанциями, д) в обеспечении, посредством законодательного закрепления и правильного применения механизма сдержек и противовесов, баланса между судебной властью и двумя другими ветвями государственной власти и, тем самым, – степени необходимой независимости судебной власти.

Опыт постсоциалистических стран показывает, что попытки формирования судебной власти часто обрекались на неудачу по причине низкого уровня теоретического анализа соответствующих проблем. По сути трудно упомянуть какое-либо серьезное научное исследование, посвященное проблемам судебной власти, которое было бы опубликовано в постсоциалистических государствах до половины 90-х годов прошлого столетия.

В Республике Армения актуальность изучения конституционно-правовых основ судебной власти прежде всего обусловлена конституционными изменениями и дополнениями от 27 ноября 2005 года, существенная часть которых касается принципов правосудия и системы судебной власти. Сегодня в Республике Армения продолжается работа по реализации второго этапа реформы судебной власти. Принят и вступил в юридическую силу «Судебный кодекс Республики Армения», в соответствии с которым во всю систему судебной власти внесены и продолжают вноситься новые коренные изменения. По сути, Судебный кодекс, как кодифицированный акт, стал основой окончательного формирования новой отрасли права РА – судебного права - и создал законодательные возможности для становления качественно новой, отвечающей требованиям современной демократии, независимой и самостоятельной судебной власти.

Примечательно, что для введения в силу Судебного кодекса возникла необходимость в принятии специального закона, и этот факт сам по себе является доказательством того, что впереди - объемный труд, направленный на становление независимой судебной власти.

Актуальность научного анализа конституционно-правовых проблем судебной власти обусловлена также процессом интеграции Республики Армения в европейское сообщество. В подобных условиях на политику проведения судебно-правовой

реформы объективно имеют большое влияние европейские стандарты, которые должны отображаться в законодательстве и судебной практике РА.

26 апреля 2002 года Республика Армения ратифицировала Европейскую конвенцию по защите прав человека и основных свобод, ряд положений которой касаются области правосудия. В частности, ст. 6 Конвенции призвана гарантировать реализацию права на справедливое судебное разбирательство. Основываясь на ст. 32, Европейский суд по правам человека своими правовыми позициями истолковал содержание ряда понятий, имеющих принципиальное значение с точки зрения справедливого судебного разбирательства (гражданские права и обязанности, уголовное обвинение, созданный в соответствии с законом независимый и беспристрастный суд и т. д.), установил определенную систему принципиальных для справедливого судебного разбирательства гарантий (право не свидетельствовать против себя, требование правовой определенности, право на доступ к правосудию, право на получение мотивированного судебного решения, право на бесплатную юридическую помощь по гражданским делам и т. д.). При этом, придавая исключительную важность роли Европейского суда по правам человека в европейской правовой системе, как важного гаранта верховенства права на сверхгосударственном уровне, национальные правовые системы все чаще воспринимают постановления этого суда не только как правовые акты, подлежащие обязательному исполнению, но и как важный источник права. Следовательно, сегодня встает задача привести судебное законодательство, структуру органов судебной власти и процедуры судопроизводства, судебную политику и практику в соответствие не только с положениями измененной Конституции, но и с европейскими стандартами правосудия. И решение этой задачи видится возможным только на основе практической реализации результатов научного анализа существующих в данной области теоретических проблем и научно обоснованных рекомендаций. Следовательно, актуальность темы настоящей диссертации представляется нам очевидной.

2. Цель и задачи исследования.

Основными целями диссертации являются: выявление проблем, существующих в области судебной власти, и путей их разрешения, разработка научно обоснованных рекомендаций, направленных на устранение недостатков и противоречий, восполнение пробелов в области правового регулирования соответствующей сферы общественных отношений - на основе анализа принципов организации и функционирования судебной власти, а также процессуального законодательства, сформированных после конституционных изменений в РА. Для достижения указанных целей нами были сформулированы следующие задачи:

- уточнить методологические проблемы организации и развития судебной власти,
- представить место и роль судебной власти в единой системе органов государственной власти,
- выявить компоненты системы судебной власти, изучить отдельно взятые компоненты, а также существующие между ними взаимные связи,
- проанализировать конституционные принципы судебной власти и представить предложения по эффективному и верному законодательной трансформации указанных принципов,
- разграничить этапы образования судебной власти в Республике Армения и на основе анализа последних выявить основные закономерности и особенности образования судебной власти в нашей стране,
- определить и научно проанализировать проблемы второго этапа судебной реформы и основные направления к их разрешению.

3. Объект и предмет исследования.

Объектом исследования настоящей диссертации является целостный комплекс общественных отношений в области организации и деятельности судебной власти в Республике Армения.

Предметом исследования являются:

- конституционно-правовые принципы и нормы судебной власти,
- нормы о судостроительстве, уголовно-процессуальные и гражданско-процессуальные нормы, конкретизирующие конституционные принципы и нормы судебной власти,
- те сферы общественных отношений, которые не урегулированы, однако должны получить правовое регулирование; пробелы права, существующие в соответствующих сферах,
- научные труды относительно проблем организации и функционирования судебной власти.

4. Научная новизна исследования.

Научная новизна диссертации состоит в том, что здесь, в контексте изменений Конституции РА и судебно-правовой реформы, происходит переосмысливаются, переоцениваются роль и значение независимой судебной власти с точки зрения становления демократического и правового государства, защиты прав человека, а также выявляются проблемы второго этапа судебно-правовой реформы и основные направления адекватного разрешения этих проблем.

В диссертации в контексте современного правопонимания и новых задач, поставленных перед правосудием, по-новому раскрывается методологическое значение соотношения понятий «судебная власть» и «судебная система».

На основе результатов анализа принципов организации судебной власти выявлено методологическое значение указанных принципов.

Предлагается, в целях усовершенствования конституционно-правового и, вообще, законодательного регулирования судебной власти, внести ряд конкретных изменений как в Конституцию, так и в текущее законодательство.

Впервые судебная власть рассматривается как структурно-сложная система, включающая в себя три основных компонента – судебное право (законодательство), систему судебных органов и систему судебных функций.

Учитывая сложную системную сущность судебной власти, обосновывается необходимость системного подхода к ее изучению.

5. Методологическая основа исследования.

В процессе работы над диссертацией автором были применены такие методы научного исследования, как диалектический, сравнительно-правовой, анализа, сопоставительный и т.д.

Методологическую основу исследования составляет системный метод, предоставляющий наиболее широкие возможности для всесторонней оценки места и роли судебной власти в системе государственной власти, а также для выделения основных структурных компонентов судебной власти и анализа взаимосвязей и взаимодействия последних, благодаря чему диссертанту удалось создать наиболее сходную теоретическую модель судебной власти.

6. Теоретическая основа исследования.

Теоретической основой диссертации явились научные труды, посвященные изучению проблем теории государства и права, конституционного права, судостроительства, уголовно-процессуального права и гражданского процессуального права.

В процессе работы были использованы труды отечественных и иностранных авторов, в частности, С. Алексеева, Г. Бадирияна, Г. Габричидзе, К. Гуценко, Г. Даниеляна, С. Дилбандяна, А. Арутюняна, Г. Арутюняна, Г. Казиняна, А. Гамбаряна, В. Степаняна, В. Назаряна, И. Самощенко, С. Шейфера, М. Ковалева, С. Фойницкого, В. Нерсесянца, В. Лазарева, В. Лебедева, З. Лусигеновой, А. Ларина, В. Савицкого и др.

7. Нормативная основа исследования.

Нормативную основу диссертации составляют Конституция РА, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, иные международно-правовые

документы, Судебный кодекс РА, Уголовно-процессуальный кодекс РА, Гражданский процессуальный кодекс РА, Закон РА “О правовых актах”, принятые в соответствии с Судебным кодексом РА нормативно-правовые акты Совета председателей судов РА.

8. Эмпирическая основа исследования.

Эмпирическую основу исследования составляют:

а) наблюдения, проведенные диссертантом в ходе работы в Национальном Собрании РА, Министерстве юстиции РА, Хозяйственном суде РА и Кассационном суде РА, постановления Европейского суда по правам человека;

б) постановления судов всех инстанций;

г) исследования, проведенные диссертантом в рабочей группе по подготовке конституционных изменений;

д) исследования, проведенные диссертантом в процессе разработки Судебного кодекса.

9. Основные положения, выносимые на защиту.

Исходя из поставленных целей и вытекаемых из них задач, на защиту выносятся следующие основные положения:

1. судебная власть – явление, имеющее сложную структуру, основными компонентами которого являются судебное право (законодательство), система судебных органов и система судебных функций;
2. в изучении проблем судебной власти наиболее эффективна системная методология, которая дает возможность для выявления всех компонентов изучаемого явления, а также многостороннего анализа взаимосвязей и взаимодействия, существующих между этими компонентами;
3. несмотря на тот факт, что судебная власть упоминается еще в Декларации “О независимости Республики Армения” 1990 года, первые практические шаги, направленные на формирование судебной власти, были предприняты с принятием Конституции РА 1995 года;
4. применение принципа разделения и баланса властей, образование и функционирование механизма сдержек и противовесов между судебной властью и двумя другими ветвями власти возможны лишь в том случае, если судебная власть наделена качеством единства, имеет пирамидообразную структуру, возглавляется высшей судебной инстанцией;
5. высшая судебная инстанция должна иметь легальные и реальные возможности для исправления допущенных нижестоящими судами ошибок, разработки и обеспечения единой судебной политики, и, одновременно, другие судебные инстанции не должны лишаться возможности осуществлять правосудие исключительно в соответствии с Конституцией и законами;

6. Кассационный суд РА может эффективно осуществлять возложенную на себя Конституцией миссию, а именно, обеспечение единообразного применения законов, только в случае, если он (Суд) освобожден от обязанности рассматривать все адресованные ему жалобы, имеет возможность, учитывая законодательно закрепленные критерии, самостоятельно решать вопрос о принятии или непринятии тех или иных жалоб к рассмотрению;
7. механизмы преодоления коллизий между законодательными актами и их отдельными положениями, а также механизмы восполнения пробелов в праве, закрепленные в Законе РА “О правовых актах”, неэффективны, зачастую спорны и для практического использования непригодны. Наиболее эффективным средством разрешения указанных проблем являются судебные прецеденты, устанавливаемые высшей судебной инстанцией. Аксиологические понятия, используемые в нормативно-правовых актах, коллизии между этими актами и их отдельными положениями, пробелы в праве составляют сферу, наиболее эффективно разрешаемую посредством судебного прецедента;
8. в разработке судебной политики принимают участие суды всех инстанций, однако политика эта может обобщаться только посредством актов Кассационного суда РА;
9. источниками судебного права являются не только нормативно-правовые акты, принятые государственными органами (в первую очередь, Конституция, кодексы и текущие законы РА), но и нормативно-правовые акты, принятые органом самоуправления судебной власти – Советом председателей судов - с закрепленной в Судебном кодексе предварительной санкции (разрешения) государства. Данное обстоятельство является выражением и, одновременно, гарантией независимости судебной власти;
10. В Судебном кодексе РА, скорее всего, «по инерции» были закреплены определенные положения, способные ограничить независимость судебной власти и непропорционально расширить возможности исполнительной власти по воздействию на судебную власть. Сказанное, в частности, касается положения, наделяющего министра юстиции правом возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей судов первой инстанции и апелляционных судов. Это обстоятельство становится очевидным при учете тех правовых возможностей (в частности, требовать от судьи объяснений), которыми в соответствии с ч. 2 ст. 156 того же Кодекса наделяется лицо, возбуждающее дисциплинарное производство;

11. учитывая то обстоятельство, что закрепленная Конституцией РА возможность судебной власти действовать автономно может ограничиваться не только исполнительной властью, но и законодательной – посредством произвольно принятых законов или отдельных их положений, считается целесообразным переформулировать п. 7 ст. 101 Конституции РА и предоставить судам (или, по крайней мере, Кассационному суду, как высшей судебной инстанции) возможность обращаться в Конституционный Суд по вопросам конституционности не только положений нормативных актов, касающихся конкретного дела, находящегося в их (его) производстве, но и положений законов, неуместно ограничивающих независимость судебной власти;
12. в общественном правосознании сформировалось мнение, согласно которому в числе трех ветвей государственной власти наиболее несправедливой, действующей с ошибками и недостатками является именно судебная власть. Тогда как изучение механизма сдержек и противовесов позволяет сделать вывод, что ошибки и оплошности, допущенные в ходе деятельности судебной власти зачастую обусловлены действиями двух других ветвей власти. В силу взаимосвязанности трех ветвей власти теоретически и практически невозможно, чтобы одна из них выполняла свои функции лучше или хуже других;
13. конституционная система гарантий независимости судей закреплена при использовании различных методов правового регулирования. В одном случае применяется метод запрета. При этом, закрепленные запреты могут распространяться не только на должностных лиц или государственные учреждения, но и на судей. В некоторых случаях это есть закрепление определенных принципов непосредственно на конституционном уровне. Также применяется метод обязывания. Однако во всех случаях мы имеем дело именно с гарантиями независимости судей, и даже распространение на судей определенных запретов – это также способ оградить судей от партийных либо экономических рычагов воздействия.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Ряд положений, сформулированных и обоснованных в работе, имеют методологическое значение и могут быть использованы в процессе последующего теоретического анализа проблем судебной власти. Сказанное касается, в частности, сложной структуры судебной власти, основных компонентов этой системы, нормативно-правового характера принимаемых Советом председателей судов актов, рамок применимости судебного прецедента и пр.

Результаты исследования могут иметь практическое значение для усовершенствования правотворческой и правоприменительной деятельности.

В области правотворчества положения диссертации нашли конкретное отражение в “Судебном кодексе Республики Армения”, одним из основных авторов которого является диссертант. Положения диссертации также могут быть применены в ходе работы над усовершенствованием Уголовного и Гражданского кодексов РА, приведением процессуального законодательства РА в соответствие с европейскими стандартами. С этой целью в труде представляются предложения о внесении соответствующих изменений и дополнений в законодательство РА.

В целом, практическая значимость исследования заключается в том, что реализация сформулированных в нем теоретических положений и научно обоснованных рекомендаций может повысить эффективность правового регулирования общественных отношений в сфере судебной власти и тем самым способствовать становлению в нашей стране судебной власти, соответствующей требованиям современной демократии, и осуществлению правосудия, соответствующего международным стандартам.

Результаты работы также могут быть использованы в образовательных целях – в процессе преподавания дисциплин “История государства и права”, “Конституционное право Республики Армения”, специальных курсов.

10. Испытание результатов диссертации.

Диссертация была выполнена на юридическом факультете Российско-Армянского (Славянского) университета, где были проведены ее обсуждение и рецензирование. Основные положения диссертации отражены в ряде научных публикаций, в докладах и выступлениях диссертанта на международных мероприятиях.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

1. Методологические основы научного исследования судебной власти

В постсоветской юридической литературе проблемы судебной власти начали активно обсуждаться начиная с 90-х годов прошлого столетия. Разумеется, проблемы эти обсуждаются в контексте теории разделения и баланса властей. В литературе многократно отмечалось, что в Древнем мире функцию осуществления правосудия выполняли монархи – фараоны, императоры, цари. Судебные решения принимались от имени монарха. Монарх самостоятельно рассматривал и решал наиболее сложные дела и являлся надзорной инстанцией в отношении судей, подчиненных ему же и выполняющих его же волю. Судьи являлись всего лишь инструментом для самодержца, которому совместно с функцией отправления правосудия принадлежали также законодательная и исполнительная ветви власти. Судьи назначались и освобождались от должности монархом, от его имени осуществляли правосудие, монархом утверждались смертные приговоры, за прокурорами сохранялись некоторые надзорные полномочия в отношении судов. Суды не контролировали исполнительную власть, не защищали подданных от чиновничьего произвола, не осуществляли контроля за конституционностью законов. Таким образом, все функции государственной власти были сконцентрированы в руках одного лица, следовательно, ни о какой самостоятельности и независимости судебной власти речи быть не могло.

Сущность принципа разделения властей очевидна: это есть функциональное разделение государственной власти на независимые ветви – законодательную, исполнительную и судебную, что обеспечивает, с одной стороны, постоянное противодействие, с другой – взаимоограничение произвольных действий последних. Тем самым создаются необходимые условия для прогресса в развитии государства и общества. Следовательно, чтобы иметь реальную судебную власть прежде всего следует обеспечить последовательную реализацию в данном государстве принципа разделения властей.

Понятно, что против истинности приведенных положений возражений быть не может. Однако следует заметить, что анализ проблем судебной власти исключительно в контексте принципа разделения властей не создает возможности для их многостороннего исследования. При таком подходе внимание исследователя в основном концентрируется на вопросах выявления места и роли судебной власти в общей системе государственной власти. Тогда как очевидно, что о взаимовлиянии судебной и двух других ветвей власти, применении к ним механизма сдержек и

противовесов можно судить только в том случае, когда судебная власть выступает как определенное единство, наделена системными качествами.

Следовательно, научные исследования проблем судебной власти должны опираться на такую методологию, которая давала бы возможность не только рассмотреть судебную власть как компонент системы государственной власти, но и раскрыть внутреннюю структуру судебной власти, выделить ее основные элементы и проанализировать особенности их взаимовлияния.

Разумеется, научное исследование, в том числе и кандидатская диссертация, не может опираться на какой-либо один метод научного исследования, ибо любое исследование может быть проведено при использовании определенной системы научных методов, должна иметь методологическую основу.

Исследование конституционно-правовых основ судебной власти предполагает применение целого комплекса методов. В процессе выполнения настоящей диссертации, как уже было отмечено в введении, были использованы принципы историзма и диалектики, методы анализа и сопоставления, сравнения и абстракции и ряд других. Однако очевидно и то обстоятельство, что каждый научный анализ имеет свои методологические особенности, которые в первую очередь обусловлены особенностями предмета научного исследования. Именно от последних и зависит возможность применения того или иного конкретного метода научного анализа, “удельный вес” того или иного метода в процессе соответствующей научной работы.

Научный анализ проблем судебной власти должен включать в себя две группы проблем: а) судебная власть, как самостоятельная система, б) судебная власть, как компонент общей системы государственной власти. Тогда как научный анализ проблем судебной власти только в контексте принципа разделения властей концентрирует внимание аналитиков только на второй группе проблем.

В юридической литературе предприняты многочисленные попытки изучения судебной системы, и тем не менее единый подход относительно структуры, отдельных компонентов этой системы все еще отсутствует. Думается, причиной тому - не только сложность проблемы, но и некорректный методологический подход к ее анализу.

Дело в том, что судебная власть, сама по себе выступая в качестве определенной системы, одновременно является частью иной, более сложной и широкой системы – единой системы органов государственной власти. При этом судебная власть может действовать самостоятельно и эффективно только на основе взаимодействия структурных составляющих этой системы. В этом процессе каждому звену системы отведена определенная роль. Мы полностью разделяем точку зрения А. Н. Аверьянова и И. Т. Фролова, согласно которой система – это такая совокупность элементов, которая обладает определенной структурой и функциональными механизмами, а ее

элементы обладают определенной иерархической организацией и функциональным разделением. Следовательно, при изучении этой структуры должна применяться методология, позволяющая сконцентрировать внимание исследователя на изучении не только этой системы в целом, но и отдельных ее компонентов, поскольку механизм функционирования сложных социальных систем приводится в действие именно посредством взаимовлияния образующих их элементов.

Лишь такой методологический подход может способствовать выявлению всех компонентов в их взаимосвязи и, тем самым, обеспечить создание идентичной теоретической модели судебной власти. Так, речь о независимости судебной власти может идти лишь в том случае, если все звенья этой системы – суды различных инстанций и судьи этих судов - наделены определенной независимостью. В то же время, связи внутри системы должны давать вышестоящим судебным инстанциям определенные возможности по исправлению возможных ошибок, допускаемых нижестоящими судами, и обеспечению единообразного применения законов. А следовательно, для последовательного и глубокого анализа проблем судебной власти должен применяться такой метод научного исследования, который концентрировал бы внимание исследователей на взаимных связях между отдельными компонентами системы и тем самым создавал бы возможность для выявления общих закономерностей ее функционирования.

По нашему убеждению, таким методом научного исследования является системный метод.

Необходимость применения системного метода к изучению механизмов функционирования сложных социальных явлений, можно сказать, получила всеобщее признание в литературе. Системный метод, исторически возникший из необходимости изучения структурно-сложных систем одинаковыми методами исследования, на сегодняшний день является одной из основополагающих стратегий научных исследований.

Правовая система, в том числе судебная власть – чрезвычайно сложные структурные явления. Следовательно, закономерно, что в правоведении системный подход получил широкое распространение. Даже те авторы, которые осознают определенные ограничения в применении метода системного анализа, принимают необходимость и полезность системного метода в изучении функционирования сложных социальных явлений. Так, А. В. Оболонский и В. Д. Рудашевский отмечают, что преимущества системного метода в научном анализе государственно-правовых явлений выявляются тогда, когда от изучения сложных систем происходит переход к изучению присходящих в этих системах процессов и их движущих механизмов.

Применяя указанные положения к анализу теоретических проблем судебной власти, можно заметить, что основная функция судебной власти – правосудие – осуществляется на основе взаимного сотрудничества различных компонентов судебной системы – судов различных инстанций. Если бы осуществление правосудия было возможно без взаимодействия судов различных инстанций, т. е. лишь одним судом, то наличие целостной системы судебных органов потеряло бы всякий смысл.

Применение к изучению проблем судебной системы системного метода дает очевидные методологические преимущества уже на этапе формулирования проблемы. Дело в том, что судебная власть – это сложная, многоступенчатая система. В первую очередь ее можно разделить на три основных компонента – система судебных органов, система судебных функций, определенная система норм, регулирующих возникающие в сфере судебной власти отношения. Как будет обосновано ниже, под судебной властью подразумевается совокупность именно этих трех компонентов.

Вышеуказанные компоненты судебной власти, в свою очередь, также представляют собой сложные системы. В структуральном смысле, судебная власть – это система наделенных особыми полномочиями государственных органов – судов различных инстанций, в функциональном смысле – это совокупность функций, среди которых важнейшую роль играет функция правосудия, в нормативном смысле – это институт права, а в условиях уже состоявшейся судебной власти – самостоятельная отрасль права.

Очевидно, что каждая из вышеуказанных систем может быть подвергнута научному анализу в различных исследовательских целях и в различных аспектах. Так, в области изучения системы судебных органов в качестве самостоятельного предмета могут выступать система гарантий независимости судов и судей, презумпция невиновности в судебных процедурах, проблемы финансового и материально-технического обеспечения судов и пр. Системный подход дает возможность выявления и анализа только тех аспектов вопроса, которые характеризуют место и роль судов различных инстанций в процессе функционирования системы в целом. Иначе говоря, системный подход предоставляет широкие возможности для выявления и четкого определения рамок рассматриваемых вопросов.

Применение системного метода к изучению проблем судебной системы дает ряд методологических преимуществ также в процессе анализа проблемы.

Системный подход основывается на том обстоятельстве, что существо сложного объекта – системы – обусловлено не столько особенностями компонентов этой системы, сколько характером существующих между этими компонентами связей. Эти связи также чрезвычайно сложны. Здесь мы имеем дело не просто с воздействием одного компонента на другой, а с их взаимным воздействием. Причем в процессе

такого взаимодействия “второстепенные” компоненты могут существенно “трансформировать” являющиеся причиной их возникновения первичные компоненты, тем самым существенно изменяя их.

Так, во взаимосвязи “судебная функция” – “судебная система” первичной является “судебная функция”, без которой существование судебной системы бессмысленно. Следовательно, при построении судебной системы за основу принимается ее предназначение – система функций, предназначенных для судебной власти в данном государстве. Например, в условиях социалистического государства не была установлена апелляционная функция. Соответственно, в системе судебных органов отсутствовали апелляционные суды.

Однако между указанными компонентами существует не только прямая, но и обратная связь. Именно от существующей системы судов зависит распределение и перераспределение между ними судебных функций. Например, наличие специализированных судов исключает целесообразность предоставления соответствующих функций судам общей юрисдикции. Приведем другой пример. Действующее в нашей стране до второго этапа судебной реформы положение, в соответствии с которым решения суда по хозяйственным делам могли быть обжалованы только в порядке кассации, в основном было обусловлено существованием только одного суда по хозяйственным делам.

Сказанное касается также взаимодействия первых двух компонентов судебной власти с третьим ее компонентом. Так, любая реформа в системе судебных органов либо в системе функций судебной власти может быть проведена только посредством внесения изменений в соответствующие системы правовых норм. В то же время любое изменение в системе правовых норм, регулирующих отношения в сфере судебной власти, сказывается как на системе судебных органов, так и на системе исполняемых судами функций. Важнейшим принципом системного подхода является анализ любой системы в ее связях с внешней средой, который реализуется через «вход» в систему и «выход» из нее. В контексте целей нашего исследования приобретает большое значение взаимодействие судебной власти со всей системой государственной власти, в частности, с двумя другими ее ветвями – законодательной и исполнительной.

Несложно заметить, что здесь, по сути, речь идет о рассмотрении судебной власти с точки зрения разделения властей. Указанная проблема является предметом особого анализа и будет рассмотрена чуть позже. Здесь лишь отметим, что «вход» в систему судебной власти – это воздействие на судебную власть со стороны законодательной и исполнительной ветвей власти. Такое воздействие может быть осуществлено в самых разнообразных формах и самыми разнообразными способами.

Разумеется, для законодательной власти наиболее эффективным способом является воздействие посредством законов. Не менее важным средством воздействия является государственный бюджет, посредством которого парламент устанавливает приоритеты государства на предстоящий год. Легальные возможности воздействия на судебную власть со стороны исполнительной власти должны быть чрезвычайно ограничены. И тем не менее исполнительная власть таковыми располагает. В частности, правительство может определенно воздействовать на вопросы финансирования и материально-технического обеспечения судебной системы, к примеру, посредством выражения позиции относительно финансирования соответствующих статей проекта бюджета и аргументации и защиты своей позиции в ходе парламентских слушаний. Однако фактические возможности воздействия исполнительной власти на судебную власть особенно велики в условиях состоявшейся не в полной мере судебной власти.

«Выход» - это воздействие, которое имеет судебная власть на законодательную и исполнительную ветви власти - в частности, посредством осуществления конституционного и административного правосудия.

Взаимодейственные связи, реализуемые через «вход» в систему судебной власти и «выход» из нее, с точки зрения методологии системного анализа можно разделить на три группы: необходимые функциональные связи, дополнительные связи и лишние или противоречивые связи. Первая группа – это связи, обеспечивающие взаимные сдержки и противовесы между тремя ветвями власти. Без них невозможно эффективное функционирование судебной власти, ее нормальное взаимодействие с двумя другими ветвями власти и, как результат - нормальное функционирование всей системы государственной власти.

Наличие связей второй группы хотя и не обязательно для нормального функционирования взаимодействующих систем, тем не менее, способно повысить эффективность этого функционирования. Скажем, в условиях отсутствия административных судов и процедуры административного правосудия государственная власть, как общая система, и выступающая в качестве компонента этой системы судебная власть принципиально могут взаимодействовать. Однако их взаимодействие становится намного более эффективным при наличии административных судов и административной юстиции. Процедуры административного правосудия создают возможность для быстрой отмены противоречащих закону административных актов, эффективного и оперативного обжалования незаконных действий или бездействия исполнительных органов и тем самым существенно повышают эффективность функционирования всей государственной системы.

Наличие лишних или противоречивых связей, образующих третью группу, существенно вредит эффективности функционирования системы. Применение этого положения системного подхода к проблемам изучения взаимодействия системы судебной власти и общей системы государственной власти приводит к заключению, что в данном случае речь идет о таких связях, о возможности такого взаимодействия между тремя ветвями власти, которые нарушают баланс между последними, в необоснованной степени подавляют возможности воздействия одной ветви власти на другую. Как правило, подобные связи делают невозможным формирование независимой и самостоятельной судебной власти. Они также нарушают нормальное функционирование всей системы государственной власти, равно как и отдельных ее ветвей.

Следует заметить, что наличие лишних и нежелательных связей объясняется двумя обстоятельствами. Причиной их возникновения могут стать ошибки и недостатки, допущенные в процессе регулирования соответствующей сферы общественных отношений или, иначе говоря, законодательные ошибки и недостатки. Например, возможности необоснованного воздействия исполнительной власти на органы судебной власти могут быть обусловлены неверными законодательными решениями, скажем, в случаях, когда полномочия по решению вопросов материально-технического обеспечения судов или жилищных вопросов судей возлагаются на исполнительные органы или когда эти органы имеют существенное влияние на формирование судейского корпуса. Однако наличие этих связей может быть причиной сложившейся правоприменительной практики, когда органы исполнительной власти имеют нелегальную возможность воздействовать на содержание принимаемых судами решений.

Следовательно, при проведении реформ в сфере судебной власти необходимо учитывать связи не только первого и второго, но и третьего типов. Причем если в первых двух случаях целью должно быть формирование и развитие соответствующих связей, то в третьем случае следует стремиться к нейтрализации либо ликвидации, в том числе, посредством законодательных мероприятий, лишних противоречивых связей.

Основным понятием системной методологии является понятие процесса. В ходе функционирования судебной власти можно выделить три процесса.

Первый – основной процесс, который предполагает воздействие вышестоящих судов на содержание и качество решений, принимаемых нижестоящими судами. Важность данного процесса привела к тому, что связанные с его осуществлением полномочия Кассационного суда РА в ходе судебной реформы были закреплены в ст.

92 Конституции РА, согласно которой «Кассационный суд РА призван обеспечивать единообразное применение законов».

Второй процесс – обратная связь, основной целью которого является сравнение полученных в результате первого процесса фактических результатов с желаемой моделью функционирования системы. Такое сравнение позволяет принимать меры по их сближению. Очевидно, что для эффективного выполнения своего конституционного предназначения Кассационный суд должен располагать возможностью получать информацию относительно результатов своих действий, направленных на единообразное применение законов, и на основании анализа этой информации предпринимать, в случае необходимости, дополнительные шаги.

Третий процесс – процесс учета ограничений. Возможности по воздействию вышестоящих судов на правоприменительную политику нижестоящих не может быть неограниченной. Возложение на вышестоящие суды подобных неограниченных правомочий, во-первых, противоречило бы конституционному принципу независимости и подчинения судей (в том числе, судей судов первой инстанции) только закону при осуществлении правосудия, во-вторых, фактически лишив нижестоящие суды возможности самостоятельно осуществлять функцию правосудия, лишило бы смысла существование судов различных инстанций и, тем самым, целостной системы судебных органов. Следовательно, процесс учета ограничений может способствовать выявлению и законодательному закреплению наиболее целесообразного соотношения функций судов различных инстанций.

Таким образом, системный подход к изучению конституционно-правовых проблем судебной власти концентрирует внимание исследователя именно на процессе формирования и функционирования судебной власти, особенностях взаимной связи и взаимного воздействия компонентов этой системы. В результате предметом изучения становится не определенная совокупность обособленных друг от друга компонентов, а реально существующая и нормально функционирующая единая система. Иначе говоря, системный подход создает возможность для построения соответствующей реальности, идентичной теоретической модели судебной власти.

Системный подход также позволяет, через исследование «входа» в систему судебной власти и «выхода» из нее, изучать взаимные связи системы судебной власти и целостной системы государственной власти и двух других ее ветвей.

Следует учитывать, что любая методология эффективна только в определенных границах – в зависимости от особенностей предмета исследования. Системный подход уже доказал свое очевидное преимущество в различных областях науки и, в первую очередь, в области естествознания. Что касается различных отраслей обществоведения и в том числе правоведения, то по мнению большинства специалистов, применение

здесь системного подхода пока что не привело к каким-либо ощутимым результатам. Разумеется, такое положение дел в первую очередь объясняется именно особенностями предмета исследования. И в этом смысле представляется верным утверждение И. С. Самощенко о том, что системный подход дает наиболее ощутимый результат при исследовании не любых, а, в первую очередь, органических систем. В остальных же случаях речь скорее всего идет о применении, в описании определенных объектов, понятий и категорий системного подхода, или же попросту об использовании системной терминологии. Право и тем более законодательство являются неорганическими системами. Следовательно, в процессе изучения их как систем речь должна идти не об использовании всего арсенала системного подхода, а лишь о применении понятий и категорий последнего для описания этих объектов в новом аспекте.

Принципиально соглашаясь с позицией И. С. Самощенко, следует тем не менее отметить, что даже простое применение понятий и категорий системного подхода к изучению правовых реалий предоставляет более широкие возможности для получения новых научных результатов, чем несистемные подходы. Следовательно, факт относительной ограниченности возможностей системного метода применительно к правовым явлениям - не основание для пренебрежения этой методологией. Думаем, применение этой методологии еще более обоснованно, когда речь идет об анализе теоретических вопросов судебной власти, т.е. такого государственного явления, которое бесспорно представляет собой сложную и многоступенчатую систему.

Следовательно, применение системного подхода в процессе научного анализа проблем судебной власти предоставляет возможность уяснить предмет научного исследования, четко сформулировать и последовательно изложить исследовательскую задачу.

2. Система судебной власти.

Преобразования в области судебной власти на постсоциалистическом пространстве начали осуществляться с начала 90-х годов прошлого столетия. Однако первые исследования теоретических проблем в указанной области датируются серединой 90-х годов и, как правило, были направлены лишь на толкование уже предпринятых практических шагов. Трудно упомянуть хотя бы один научный труд, посвященный проблемам судебной власти, который был бы издан в Армении до 1995 года. Нельзя не отметить, что аналогичная ситуация сложилась к тому времени и в других постсоветских государствах. Так, в Российской Федерации первые монографии, посвященные изучению проблем судебной власти, были изданы в конце 90-х годов. По сути, создалась ситуация, в которой научные исследования начали отставать не

только от потребностей общественного развития, но и от практических шагов, направленных на укрепление судебной власти.

Начиная с середины 90-х годов указанные проблемы активно обсуждаются. И тем не менее нельзя сказать, что спорных вопросов и разнохарактерных подходов в этой области стало меньше. Достаточно лишь заметить, что в юридической литературе постсоциалистических государств все еще не сформулировано однозначного определения понятия судебной власти.

В рассматриваемом вопросе ясно обозначаются два основных направления, которые условно можно назвать функциональным и институциональным.

Одна группа авторов считает, что в целом судебную систему можно охарактеризовать как данное суду правомочие, которое нацелено на воздействие на общественные отношения в установленном законом порядке, либо как исключительную компетенцию суда по рассмотрению и разрешению социальных конфликтов в области права. Например, С. А. Шейфер определяет судебную власть как исключительную компетенцию суда по рассмотрению и разрешению социальных споров (конфликтов) в области права. К. Ф. Гуценко считает, что властью следует считать не государственный орган или должностное лицо, а то, что они могут или в состоянии делать. По существу, это - полномочие, функция, но не ее носитель. Нетрудно заметить, что в таком случае судебная власть по сути отождествляется с определенной государственной функцией. Поэтому примечательно, что сторонники этого подхода в некоторых случаях напрямую отмечают, что «судебная власть» и «правосудие» - термины, в общем, выражающие одно и то же понятие.

Другая группа авторов считает, что судебная власть – это определенная система государственных органов. Так, С. А. Фойницкий пишет: «Судебная власть, в узком смысле, образует систему подчиненных закону органов, призванную применять закон». В таком случае судебная власть фактически отождествляется с системой государственных органов – судов.

Думаем, рассматриваемые подходы не противоречат, а взаимодополняют друг друга.

В теории государства и права функция государства характеризуется как основное направление или форма деятельности государства, посредством которых выражаются как существо государства данного типа, так и стоящие перед конкретным государством, на том или ином этапе его развития, цели и задачи. Функции государства, как правило, в первую очередь подразделяются на законодательную, исполнительную и судебную. Наличие определенных функций предполагает, что должны быть сформированы системы соответствующих государственных органов, которые в рамках своих полномочий, установленных законодательством, будут в

состоянии наиболее эффективно выполнять соответствующие функции. Без системы государственных органов объективно необходимая функция выполняться не может. В то же время, при отсутствии конкретной функции теряет смысл соответствующая система государственных органов. Следовательно, судебная власть – это и функция, и система. То же можно сказать и о двух других ветвях власти. Законодательная власть – это и государственная функция, и соответствующий орган. Исполнительная власть – также сложная система, включающая в себя и функцию, и разветвленную систему исполнительных органов.

Однако система судебной власти имеет еще один структурный элемент, который по сей день оставался за рамками научных исследований. Дело в том, что судебная власть – это не только определенная государственная функция и определенная система государственных органов, но и конституционно-правовой институт, а в состоявшихся демократических системах – самостоятельная отрасль национального права или, по крайней мере, подотрасль.

Это обстоятельство становится очевидным, если учитывать, что судебная власть – это система государственных органов, т.е. система, основными признаками которой являются: а) формирование в соответствии с государственной волей и выполнение определенных функций от имени государства, б) осуществление четко установленных и законодательно закрепленных видов и форм деятельности, в) юридически закрепленная организационная структура. Следовательно, обязательной предпосылкой образования и функционирования судебной власти является наличие определенной системы правовых норм, регулирующих отношения, возникающие в соответствующей сфере или однородные общественные отношения. По мере обнаружения и законодательного закрепления оптимальной системы судебных органов, верного определения рамок полномочий этих органов и четкого распределения судебных функций между судами различных инстанций, установления эффективных гарантий независимости судебной власти и судей, роль судебной власти в общей системе государственной власти возрастает.

Однако следует заметить, что само по себе наличие указанных трех компонентов не означает, что в данном государстве сформирована судебная система. Речь о судебной системе может идти лишь в том случае, когда все эти компоненты в рамках единой системы тесно взаимодействуют и соответствуют определенным стандартам.

Анализ проблемы целесообразнее начать со структурной (институциональной) составляющей судебной власти, поскольку в государственно организованном обществе судебная система в первую очередь выступает как система государственных органов (должностных лиц).

В юридической литературе многократно справедливо отмечалось, что «совокупность судов, выше- и нижестоящих, - это еще не судебная власть, совокупность принимаемых ими решений и приговоров – это еще не средство контроля в отношении к государственным органам (законодательным и исполнительным), в руках которых была сконцентрирована реальная, ничем не ограниченная власть. Объединение в одном лице или органе правотворческой, управленческой и судебной функций характерно для абсолютной монархии и тоталитарных режимов более позднего периода».

Судебная система может стать структурным компонентом судебной власти, если она соответствует определенным признакам. Как и в прочих сферах государственной власти, судебная система должна иметь пирамидообразную структуру: выше- и нижестоящие суды должны представлять собой четкую конструкцию, и между различными элементами этой конструкции должны быть построены отношения иерархической подчиненности. Разумеется, в этом смысле отношения между формирующимися в системе судебных органов иерархическими ступенями должны существенно отличаться от иерархических конструкций, существующих в сфере исполнительной власти. Дело в том, что должны обеспечиваться не только целостность судебной системы, но и независимость и автономность отдельно взятых судов и судей и подчинение последних исключительно Конституции и законам.

Отсюда вытекает наиважнейшая, очень противоречивая и деликатная проблема: избрать и законодательно закрепить такое соотношение между структурными компонентами судебной системы, которое обеспечит институциональное единство судебной власти, позволяя тем самым обеспечить автономность судебной системы, как единой конструкции, по отношению к законодательной и исполнительной ветвям власти, и в то же время не ограничит либо не исключит вообще возможность отдельных звеньев этой конструкции самостоятельно рассматривать конкретные дела и самостоятельно принимать решения.

В области научного исследования функциональной составляющей судебной власти центральную роль играет понятие правосудия. Примечательно, что в современных конституциях осуществление правосудия характеризуется как основная функция судов. Подобный подход получил широкое распространение и в юридической литературе. Следует также заметить, что в юридической литературе задача определения понятия правосудия не порождает принципиальных разногласий. Как справедливо отмечают Г. С. Казинян и С. А. Дилбандян, «правосудие – это закрепленный конституцией особый вид государственной деятельности, который осуществляется только судом при строгом соблюдении установленных законом требований и порядка, обеспечивающих законность, справедливость, обоснованность

общеобязательных судебных решений, в особом процессуальном порядке, и который направлен на рассмотрение и разрешение конституционных, административных, уголовных, гражданских (хозяйственных) дел».

С таким определением принципиально можно согласиться, поскольку в нем подчеркивается то обстоятельство, что осуществление правосудия есть вид правоприменительной деятельности государства, и в то же время выявляются признаки правосудия как особого вида правоприменительной деятельности. Такими признаками являются: осуществление указанной деятельности только судом, в особом процессуальном порядке и посредством рассмотрения и разрешения правовых споров. Двое из упомянутых трех признаков, а именно, осуществление правосудия только судом и осуществление правосудия в особом процессуальном порядке, очевидны и не вызывают в юридической литературе никаких разногласий. Спорной представляется характеристика третьего признака.

Дело в том, что в социалистической юридической литературе в качестве признака правосудия упоминалось не разрешение правовых споров, а рассмотрение уголовных и гражданских дел. В современной процессуологии намечается оправданная тенденция к рассмотрению разрешения социально-правовых споров как признака правосудия. Именно наличием таких споров и обусловлено закрепление в законодательствах современных государств принципа состязательности.

В определении понятия правосудия, выделение, в частности, рассмотрения и разрешения правовых споров как признака, на наш взгляд, имеет особую важность, поскольку в отечественной юридической литературе бытует мнение, что правосудие осуществляется не только судами, но и другими органами - правоохранительными. Так, М. Хачатрян и Д. Хачатрян отмечают, что уголовное правосудие осуществляется в двух формах – посредством оправдания лица либо признания его виновным. Лицо может признано виновным только судом, в то время как оправдано - не только судом, но и органом дознания, следователем либо прокурором. Следователь либо прокурор, до начала рассмотрения дела в судебном заседании, могут на основаниях оправдания (например, отсутствия состава преступления) прекратить уголовное преследование, в результате чего обвиняемый приобретает статус оправданного. Также и при наличии какого-либо из предусмотренных законом оснований оправдания подсудимый приобретает статус оправданного. Таким образом, «Кодекс поставил знак равенства между прекращением производства по делу либо прекращением уголовного преследования на основаниях оправдания в досудебном производстве с одной стороны, и оправдательным приговором, с другой. Фактически, кодекс придал важность не форме, а содержанию».

Критикуя данный подход, А. Гамбарян подчеркивает, что прекращение производства по уголовному делу либо прекращение уголовного преследования на основаниях оправдания до того, как дело будет направлено в суд, ни с точки зрения формы, ни с точки зрения содержания правосудием не является. Правосудие осуществляется в особой процессуальной форме, которая отличается от процессуальной формы предварительного следствия. Процессуальной форме правосудия свойственны такие принципы, как гласность, состязательность, непосредственность, устность, каковые в предварительном следствии либо отсутствуют (непосредственность, устность), либо применяются крайне редко (гласность, состязательность). По мнению А. Гамбаряна, правосудие (в случае оправдания) и прекращение следователем уголовного дела и уголовного преследования на основаниях оправдания нельзя рассматривать в одной плоскости, лишь исходя из того, что правовые последствия их одинаковы. На содержание правосудия значительное влияние оказывают особенности процессуальной формы правосудия.

Принципиально соглашаясь с А. Гамбаряном в том плане, что прекращение следователем уголовного дела и уголовного преследования на основаниях оправдания нельзя рассматривать как осуществление правосудия, тем не менее, считаем необходимым подчеркнуть, что в аргументации автора отмечаются не существенные, а формально-правовые различия между этими явлениями. Необходимость законодательного закрепления и практического применения свойственных процессуальной форме правосудия принципов - гласности, непосредственности, устности и, в особенности, состязательности – обусловлено тем, что осуществление правосудия, прежде всего, означает разрешение разнохарактерных социально-правовых конфликтов. Именно наличием такого конфликта и обусловлены как необходимость вмешательства независимого и беспристрастного арбитра, так и применение целого арсенала особых процессуальных принципов.

В этом смысле можно согласиться с тезисом, обоснованным в докторской диссертации Н. М. Чепурновой, согласно которому, «правосудие – это особая форма реализации государственной власти, которая естественно характерна для всей судебной власти». Не случайно, что в современной процессуологии разрешение социально-правовых споров рассматривается как важнейший признак правосудия.

Таким образом, можно констатировать, что правосудие осуществляется только судами или, иначе говоря, осуществление правосудия является неотъемлемой частью системы судебной власти. Следует заметить, что такое заключение полностью созвучно с положением, закрепленным в ст. 91 Конституции РА, согласно которой,

«правосудие в Республике Армения осуществляют только суды - в соответствии с Конституцией и законами».

Относительно определения понятия правосудия существует еще одно расхождение во мнениях, корни которого уходят в постсоциалистический период. В литературе применение государственного принуждения традиционно считалось важнейшим признаком правосудия. Однако в литературе, изданной в последние годы, этот признак не подчеркивается. Более того, некоторые авторы предпринимают попытки отрицания государственного принуждения, как обязательного признака правосудия, аргументируя свою позицию неэффективностью и даже кризисом «карательного правосудия» в современном мире.

Думаем, подобный подход – это скорее всего следствие психологических и социально-психологических установок, он лишен научной основы и, что примечательно, носит, как правило, эмоциональный характер. Например, отрицая значение государственного принуждения, как имманентного признака правосудия, А. Гамбарян отмечает, что в определении правосудия этот признак упоминается преимущественно в советской литературе, что обусловлено особенностями исторического временно-территориального восприятия этого понятия. В советский период целью правосудия, являлось, в целом, наказание лица (в особенности, в уголовном процессе). По мнению автора, сегодня, когда «карательное правосудие» находится в кризисном состоянии, государственное принуждение не может считаться имманентным признаком правосудия.

Оценивая такой подход, прежде всего отметим, что противоречивость, содержащаяся в понятии «карательное правосудие» лишает это словосочетание всякого смысла, поскольку «карательное правосудие» это вовсе не правосудие, а осуществляемый под завесой правосудия государственный террор. По сути, такой характер «правосудия» обусловлен не возможностью применения государственного принуждения, а игнорированием демократических принципов судебных процедур, наличием специальных «судов» типа известных сталинских «троек». Тогда как даже в условиях состоявшейся демократии применение государственного принуждения с целью обеспечения исполнения судебных актов неизбежно.

Отрицая значение государственного принуждения, как признака правосудия, Е. В. Кудрявцев отмечает, что в гражданском процессе зарубежных стран расширяется применение института мирового соглашения. Западным государствам характерна тенденция к расширению практики компромиссного разрешения споров. Судьи все чаще пытаются примирить стороны, информируя о возможных неблагоприятных последствиях, которые наступят для стороны, уклоняющейся от примирения. Очевидно, что «неблагоприятные последствия», о которых говорит Е. В. Кудрявцев, -

это не только неблагоприятное для уклонившейся стороны судебное решение, но и сам факт обеспеченности исполнения любого решения именно мерами государственного принуждения. Более того, в случае уклонения одной из сторон от выполнения условий утвержденного судом мирового соглашения, для выполнения последних также будут применены меры государственного принуждения.

Правосудие является одной из основных функций судебной власти и государственной власти вообще, а выполнение государственно-властных функций всегда и однозначно предполагает применение, в случае необходимости, государственного принуждения. Разумеется не все судебные акты исполняются посредством государственного принуждения. Однако любой судебный акт должен быть обеспечен силой такового. В обратном случае не может быть и речи о какой бы то ни было государственной функции. Государственное принуждение, являясь неотъемлемым, имманентным признаком права, тем самым становится обязательным признаком всей правоприменительной деятельности, в том числе и правосудия.

В юридической литературе продолжается дискуссия относительно того, является ли осуществление правосудия единственной функцией судебной системы, или речь должна идти об определенной системе таких функций.

В этом вопросе намечаются два принципиально разных подхода. Одна группа авторов считает, что понятие «правосудие» охватывает все формы и виды судебной деятельности. По мнению другой группы авторов, совокупность выполняемых судами функций намного шире и не «укладывается» в рамках этого понятия. Пытаясь «приблизить» указанные позиции, В. Нажимов предлагает размежевать понятие правосудия - в широком смысле и узком смысле. Согласно автору, правосудие в широком смысле – это вся судебная деятельность, направленная на применение правовых норм.

Конечно, такой взгляд также имеет право на жизнь. Однако его эвристические научные возможности вызывают сомнения. Подобный подход по сути переносит обсуждение вопроса в сферу терминологии. В содержательном же плане автор тем самым примыкает ко второму подходу. Если правосудие в широком смысле по содержанию отличается от правосудия в узком смысле, то мы явно имеем дело с двумя разными явлениями. Иначе говоря, существуют виды судебной деятельности, которые не укладываются в рамки, именуемые «правосудием». Другое дело, какой термин мы используем для определения «правосудия в широком смысле». Следовательно, не случайно в юридической литературе эта позиция удостоена критики.

Думается, данная проблема требует более серьезного научного анализа.

В юридической литературе предприняты многочисленные попытки выявления существа правосудия, его принципиального отличия от прочих видов

правоприменительной деятельности. Тем не менее, вопрос все еще не получил должного решения. Думаем, причина неудачных попыток определения понятия правосудия также кроется в неправильном методологическом подходе.

Дело в том, что при обсуждении этого вопроса все авторы пытаются перечислить различия между правосудием и прочими видами правоприменительной деятельности – посредством перечисления отличительных признаков этих явлений. Так, по мнению А. Гамбаряна, правосудие отличается от прочих видов правоприменительной деятельности субъектами, осуществляющими правосудие, конституционными принципами, отражающими демократический характер правосудия, и процессуальной формой. В. В. Ярков, В. А. Лазарев и Г. А. Шмавонян признаком правосудия считают разрешение социально-правовых споров. Бытует также мнение, что правосудие, в отличие от прочих видов государственной правоприменительной деятельности, включает в себе такую систему правовых гарантий, которая обеспечивает принятие законных и справедливых решений.

Бесспорно, все это так. И тем не менее считаем необходимым отделить существо правосудия от его признаков, которые получают конституционное закрепление как принципы правосудия и гарантии соблюдения этих принципов.

Уверены, что для выявления понятия правосудия стержневым является понятие социальный конфликт (спор). Смысл и существо правосудия - в справедливом разрешении социальных конфликтов, споров. Все признаки и принципы правосудия обусловлены именно наличием таких конфликтов, споров. В условиях демократии последние должны получать справедливое разрешение, чего можно достичь лишь посредством справедливого суда – правосудия.

Именно для справедливого разрешения социальных конфликтов и необходимы: система судов, способных справедливо судить, наличие и закрепление в качестве конституционных принципов таких признаков этой своеобразной формы государственной правоприменительной деятельности, каковыми являются состязательность, устность и т. д., а также закрепление, посредством специального процессуального порядка, гарантий соблюдения этих принципов. Следовательно, можно утверждать, что существо и цель правосудия – в разрешении социально-правовых конфликтов, а все вышеперечисленные признаки (принципы) и гарантии – всего лишь средство справедливого разрешения социальных конфликтов.

Думаем, сформулированный нами подход приобретает важное значение для уяснения позиции относительно другого спорного вопроса.

Речь идет о соотношении функций судебной власти и правосудия. Согласно наиболее распространенному мнению, функцией судебной власти является не только правосудие, но и конституционный контроль, контроль за законностью и

обоснованностью действий и постановлений государственных органов и должностных лиц, контроль за применением ареста, проведением обыска в квартире, прослушиванием телефонных разговоров, разъяснение действующего законодательства по вопросам судебной практики. Такой подход наиболее ясно и обобщенно сформулирован С. А. Шейфером и В. А. Яблоковым, которые считают, что судебная власть осуществляется в форме конституционного, гражданского, уголовного, административного и хозяйственного судопроизводства, а функциями судебной власти являются: 1) осуществление правосудия, 2) юрисдикционный контроль.

Многие другие авторы также считают, что функции судебной власти не ограничиваются осуществлением правосудия.

Однако по поводу этого вопроса выражена и диаметрально противоположная точка зрения, согласно которой, единственная функция суда - это осуществление правосудия. Наиболее ясно данный подход сформулирован И. Петрухиным, который пишет: «При осуществлении судебного контроля за предварительным следствием суд не превращается в прокурора, когда рассматривает ходатайства об обыске, изъятии или аресте. Он выполняет судебные функции, решая конкретный процессуальный вопрос, возникший во время предварительного следствия. Вопросы подобного рода суд решает также во время судебного разбирательства, однако то, что это «правосудие», ни у кого не вызывает сомнения». В. М. Лебедев также считает, что деятельность суда, связанную с рассмотрением вопросов относительно лишения граждан свободы и личной неприкосновенности, следует рассматривать как особую форму правосудия по уголовным делам во время предварительного следствия.

В процессе обсуждения данного вопроса создает излишнюю путаницу то обстоятельство, что ряд авторов пытаются размежевать понятие «функция судебной власти», под которым понимается осуществление правосудия, и понятие «форма осуществления судебной власти», под которым, согласно этим авторам, следует понимать те формы деятельности судебных органов, которые не входят в понятие правосудия. Так, З. А. Лусегенова считает, что существующие в современном виде конституционный контроль и административное судопроизводство являются формами осуществления судебной власти, однако не входят в понятие «правосудие». Согласно В. А. Лазаревой, судебная власть осуществляется в форме правосудия (конституционное, административное, гражданское и уголовное судопроизводство), а ее единственная функция – это защита прав и свобод человека и гражданина. Некоторые авторы считают, что правосудие – это форма реализации судебной власти и, одновременно, ее функция. С целью устранения подобного беспорядка А. Гамбарян предлагает изъять, и даже из научного оборота, понятие «функция судебной власти».

Думаем, различное толкование соотношения понятий «функция судебной власти» и «форма осуществления судебной власти», в первую очередь, обусловлено пренебрежением, со стороны соответствующих исследователей, общими теоретическими положениями, разработанными относительно понятия «функция государства». Как мы уже отмечали, в науке «Теория государства и права» функции государства традиционно характеризуются как основные направления деятельности государства, обусловленные его существом и содержанием, а также стоящими перед государством, на том или ином этапе его развития, целями, задачами и социальным значением.

В результате применения указанного общего положения к исследованию функций судебной власти становится очевидным, что не может быть какой-либо легальной формы реализации судебной власти, которая бы выходила за рамки функций этой власти. Реализация какой бы то ни было иной формы судебной власти вне функций этой власти будет означать, что судебная власть вышла за рамки своей компетенции и “втиснулась” в сферу полномочий законодательной либо исполнительной власти. А следовательно, речь может идти не о формах реализации судебной власти, а о формах реализации функций судебной власти, каковыми являются различные формы судопроизводства.

Вернемся к сути вопроса: является ли осуществление судебной власти единственной функцией судебной власти, или же следует также выделить, так называемые, юрисдикционные функции суда? Для того, чтобы правильно ответить на поставленный вопрос, думаем, следует сопоставить, так называемые, юрисдикционные полномочия суда с существом правосудия (разрешение социальных конфликтов) и основными его признаками (осуществляемая судами, в соответствии с особыми принципами и в особом процессуальном порядке, деятельность).

Сделаем попытку такого сопоставления. Возбуждение уголовного преследования, само по себе свидетельствует о возникновении правового конфликта. При этом конфликтогенный характер носят не только процедура предварительного следствия в целом, но и осуществляемые в ходе ее отдельные следственные действия. Например, трудно представить, чтобы орган, ведущий предварительное следствие, и подозреваемый либо его представитель могли придерживаться одинакового мнения, скажем, в вопросах применения обыска, изъятия или ареста. Конкретные процессуальные вопросы, возникшие во время предварительного следствия, решает суд. Суд решает эти вопросы в особой процессуальной форме, которая содержит определенные гарантии свободы и личной неприкосновенности личности. Решение соответствующих вопросов именно судом также является важнейшей гарантией. Одновременно, следует также констатировать, что процедура разрешения конкретных

вопросов, возникших во время предварительного следствия, имеет свои особенности. Скажем, вопрос обо обыске суд решает без участия одной из сторон. Однако такие исключения существуют даже в гражданском процессе. Например, вопрос о применении мер по обеспечению иска суд также решает без участия ответчика либо его представителя. Однако было бы абсурдом выведение, на таком основании, рассмотрения соответствующих исков за рамки правосудия. А следовательно, можно констатировать, что судебная власть в функциональном смысле совпадает с понятием правосудия.

Отметим еще одно обстоятельство. Дело в том, что судебная власть, как самостоятельная ветвь власти, не может функционировать, если решение задач по финансированию и материально-техническому обеспечению структур этой системы сохраняется за органами исполнительной власти. Поэтому органы исполнительной власти сами должны иметь возможность, в определенных рамках, установленных законодательством, решать соответствующие задачи. Однако решение указанных задач не может считаться основным направлением деятельности, т. е. функцией судебной власти. В то же время, проблема эта касается не проблемы взаимного соотношения структурных элементов системы судебной власти, а соотношения судебной системы и двух других ветвей государственной власти.

Добавим, что рассматриваемый вопрос неоднозначно решен также действующим законодательством Республики Армения. Так, согласно ч. 1. ст. 97 Конституции РА “при осуществлении правосудия судья и член Конституционного Суда независимы, подчиняются только Конституции и закону”. В то же время в чч. 1 и 2 ст. 11 Судебного кодекса закреплено, что судья независим “... при осуществлении правосудия и других предусмотренных законом полномочий...”. Получается, что формулировка Конституции основывается на той теоретической концепции, в соответствии с которой единственной функцией судебной власти является осуществление правосудия, в то время как подход, закрепленный в Судебном кодексе, предполагает, что судебная власть, помимо правосудия, выполняет также и иные функции. Оставление без внимания данного противоречия означало бы констатацию того, что судебная власть, помимо осуществления правосудия, выполняет иную функцию – юрисдикционного контроля, которую она выполняет без участия судей, либо при осуществлении функции юрисдикционного контроля судьи не независимы.

Перейдем к рассмотрению вопросов, связанных с третьим структурным компонентом судебной власти.

Процедуры организации, формирования, а также функционирования судебной власти закрепляются посредством правовых норм. Причем нормы эти представляют собой не простую совокупность, а определенную систему. Как известно, основными

компонентами системы права каждого государства являются отрасли права и институты права. Следовательно, в первую очередь следует ответить на следующий вопрос: представляет ли собой указанная система отдельную отрасль права, или же здесь можно говорить лишь об отдельном институте права?

Заметим, что в области теории права вопрос о соотношении отрасли права и института права рассматривается на таком абстрактном уровне, что не представляется возможным однозначно причислить соответствующие системы норм к отрасли права или институту права. Все авторы едины в том, что основанием для обособления правовых норм в институты права и отрасли права является, в первую очередь, предмет правового регулирования. Опираясь на этот критерий, В. С. Нерсисянц характеризует институт права как совокупность однопорядковых норм, регулирующих определенный вид общественных отношений, а отрасль права – как систему однопорядковых норм, регулирующих определенный род общественных отношений. Конечно, теоретически разница ясна. Однако на практике остаются неизвестными те критерии, на основании которых та или иная группа общественных отношений должна расцениваться как вид или род. Поэтому неудивительно, что дискуссии относительно структуры права и законодательства продолжаются в юридической литературе десятилетиями.

В порядке постановки вопроса предлагаем следующий подход. Свидетельством формирования самостоятельной отрасли права (или, по меньшей мере, подотрасли) является наличие кодифицированного акта, регулирующего соответствующую группу общественных отношений. Наше предложение аргументируется следующим. Кодифицированные акты, в ряду которых наиболее распространены кодексы, принимаются через существенную переработку, изменение и обновление норм нескольких действовавших до этого законодательных актов. Так, основой для Избирательного кодекса РА явились, в частности, Законы РА “О выборах Президента РА”, “О выборах депутатов Национального Собрания РА” и “О выборах органов местного самоуправления”. Следовательно, принятие кодифицированного акта свидетельствует о том, что конкретную группу общественных отношений возможно регулировать если не кодексом, то несколькими законами.

Думаем, что именно в силу данного обстоятельства группу общественных отношений, регулируемую Судебным кодексом, следует расценивать не как однородную, а как одновидную. Следовательно, после принятия, в контексте второго этапа реформирования судебной власти РА, Судебного кодекса соответствующая система правовых норм состоялась как самостоятельная отрасль права РА - судебное право.

Отметим также, что с нашей позицией созвучно положение В. С. Нерсисянца о том, что кодификация – это способ систематизации норм отрасли или подотрасли права. Однако В. С. Нерсисянц никоим образом не аргументирует данный подход, в то время как в юридической литературе возникло также мнение, что в кодифицированном акте закрепляются нормативные основы тех или иных отрасли или института права.

Подобно другим отраслям права, систему норм, регулирующих процедуры организации, формирования и функционирования судебной власти, также можно разделить на определенные группы, опираясь на различные критерии. Однако для целей нашего исследования наиболее важное и практическое значение имеет подразделение исследуемой системы норм на нормы-принципы и конкретно регулирующие нормы.

В данном разделе диссертации нами будут рассмотрены проблемы, связанные с принципами права. Что касается изучения конкретных норм, регулирующих отношения в сфере судебной власти, то к этому вопросу мы обратимся в следующей главе диссертации, в ходе анализа проблем второго этапа судебной реформы.

В юридической литературе принципами права считаются важнейшие идеи, заложенные в основу всей системы права (общеправовые принципы) либо отдельной его отрасли (отраслевые принципы). Эти принципы могут либо быть закреплены в конкретной правовой норме, либо вытекать из содержания ряда правовых норм. Нормы-принципы и вытекающие из правовых норм принципы являются разновидностями правовых принципов.

На принципах права основывается вся правотворческая, правоприменительная и правоохранительная деятельность государственных органов. Следовательно, в механизме правового регулирования эти принципы играют решающую роль. «Они не только характеризуют сущность и содержание права, определяют его внутреннюю структуру и связи, но и предопределяют всю процедуру правового воздействия». Однако следует учитывать также отмеченное А. Ш. Арутюняном то обстоятельство, что принципы права регулируют общественные отношения не непосредственно, а посредством конкретных норм и сами же воплощаются в этих нормах и в правоприменительной деятельности органов власти. Общие принципы права, в основном закрепляемые в Конституции, выступают в качестве определенных ориентиров, в первую очередь, для законодательных и прочих правотворческих органов в процессе формулирования конкретных норм. На основе принципов права и норм-принципов в том числе, не формируются конкретные правоотношения. Идеи, закрепленные в таких нормах, должны найти отражение в содержании целого ряда норм-правил, реализация совокупности которых и приводит к реальному претворению принципа в жизнь. Следовательно, правовой основой системных изменений в судебной

власти является изменение принципов, регулирующих отношения в соответствующих областях.

Здесь считаем важным подчеркнуть, что принципы права также неоднородны. Их можно классифицировать на различные группы по различным критериям.

Принципы правового регулирования организации, формирования и функционирования судебной власти, в первую очередь, необходимо разделить на две основные группы – по степени общности их содержания. Первую группу составляют общеправовые принципы организации и функционирования государственной власти. Вторую группу составляют институциональные и функциональные принципы судебной власти. Принципы, входящие в упомянутые группы, как правило, закрепляются непосредственно в конкретных конституционно-правовых нормах, преобразовываясь тем самым в нормы-принципы.

Нормы-принципы, входящие в первую группу, закреплены в гл. 1 Конституции РА – «Основы конституционного строя». К этой группе должны быть причислены: суверенитет народа и народное представительство, а также запрет узурпации принадлежащей народу власти какой-либо организацией или личностью (ст. 2), обязанность государства (и тем самым, всех государственных органов и должностных лиц) обеспечивать защиту основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права (ст. 3), ограниченность государства (и тем самым, всех государственных органов и должностных лиц) основными правами и свободами человека и гражданина, как непосредственно действующим правом (ст. 3), правомочность государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц совершать только такие действия, на которые они уполномочены Конституцией или законами (ст. 5).

В ряду рассматриваемых норм-принципов с точки зрения организации и осуществления судебной власти особое значение имеет принцип, закрепленный ч. 1. ст. 5 Конституции, согласно которому «государственная власть осуществляется в соответствии с Конституцией и законами - на основе разделения и баланса законодательной, исполнительной и судебной властей». Значение нормы состоит в том, что она определяет основы взаимного соотношения трех ветвей власти.

Нормы-принципы, состоящие во второй группе, в свою очередь, подразделяются на две подгруппы: нормы-принципы, закрепляющие основы организации судебной власти (институциональные), и нормы-принципы, закрепляющие функциональные основы судебной власти, т.е. принципы правосудия. Принципы эти сформулированы в ряде положений гл. 6 Конституции РА – «Судебная власть».

К первой подгруппе следует причислить осуществление в Республике Армения правосудия только судами - в соответствии с Конституцией и законами (ст. 91),

наличие трехзвенной судебной системы (ст. 92), независимость судов и гарантирование этой независимости Конституцией и законами.(ст. 94), несменяемость судей и членов Конституционного Суда (ст. 96), независимость судей и членов Конституционного Суда при осуществлении правосудия и их подчинение только Конституции и закону (ст. 97).

Изучение функциональных основ судебной власти (принципы правосудия) всегда было в центре внимания специалистов в области уголовного процесса и гражданского процесса. Ими были предприняты многочисленные попытки классификации принципов правосудия. В частности, широкое распространение получила классификация принципов правосудия на отраслевые и межотраслевые. Межотраслевыми считаются принципы, действующие в трех областях судопроизводства – конституционном, административном, уголовном и гражданском. Отраслевыми считаются принципы, действующие в одной из указанных областей.

Разделение принципов правосудия на отраслевые и межотраслевые, можно сказать, получило всеобщее признание. Однако определенные споры возникают по поводу причисления отдельных конкретных принципов к тем или иным. Так, презумпция невиновности обычно рассматривается как отраслевой принцип уголовного судопроизводства. В то же время предпринимаются попытки обосновать также межотраслевой характер этого принципа. В советской юридической литературе равноправие сторон рассматривалось как принцип гражданского судопроизводства. Однако в постсоциалистической юридической литературе всеобщее признание получила точка зрения, согласно которой указанный принцип причисляется к ряду межотраслевых принципов.

В юридической литературе широкое распространение получила также классификация норм-принципов по видам закрепляющих их нормативно-правовых актов. В этом значении принципы подразделяются на принципы, закрепленные в конституционном и судостроительном и процессуальном отраслевом законодательстве.

К данному подходу примыкает классификация, предложенная Г. Казиняном, согласно которой, принципы уголовного судопроизводства можно подразделить на три группы: 1. принципы уголовного судопроизводства, которые закреплены в Конституции и непосредственно воспроизведены в новом Уголовно-процессуальном кодексе РА, 2. относящиеся к уголовному судопроизводству конституционные положения, которые не получили формального закрепления в новом Уголовно-процессуальном кодексе, но которые также определяют существо и содержание уголовного судопроизводства, 3. закрепленные в новом Уголовно-процессуальном кодексе РА принципы, которые не

обладают статусом конституционных основ и считаются чисто процессуальными принципами.

Правда подобный подход также был удостоен критики. Так, А. Ларин считает, что классификация принципов уголовного судопроизводства на конституционные и неконституционные лишь на том основании, что последние не включены в Конституцию, не может быть правомерной. Относительно этого вопроса более жестко выражается В. М. Савицкий, который считает, что нельзя подразделять принципы на конституционные и отраслевые, основные и неосновные. Когда речь идет о принципах судопроизводства, вопрос об обязательности их реализации – это, мягко говоря, святотатство.

Критическое отношение к подобной классификации принципов имеет место и в отечественной юридической литературе. В частности, С. Дилбандян отмечает: «Поскольку принципы по своей юридической силе и значимости равны, неуместна и их классификация на конституционные и неконституционные. Независимо от того, закреплен ли данный принцип в Конституции или нет, по сравнению с другими принципами он не имеет какого-либо превосходства. Все они должны соблюдаться в равной мере».

Думаем, в основе противоречивых подходов к рассматриваемому вопросу лежит использование сторонниками классификации процессуальных принципов на конституционные и отраслевые не вполне ясной терминологии. Дело в том, что подразделение принципов на конституционные и отраслевые основано на неверной методологии. Рассматриваемые принципы необходимо подразделять не на конституционные и отраслевые, а на принципы, закрепленные Конституцией и текущим законодательством. При предложенном нами подходе сразу становится очевидным, что их разница не может состоять в степени обязательности, ибо все принципы, закрепленные в нормативно-правовых актах, независимо от того, в каком акте они закреплены, должны неукоснительно соблюдаться.

Разница между двумя указанными группами принципов состоит в том, что они закреплены в нормативно-правовых актах, имеющих разную юридическую силу. Следовательно практическое значение и применимость рассматриваемой классификации возникает только в том случае, когда возникает противоречие между принципами, закрепленными в Конституции и принципами, закрепленными текущим законодательством. Подобные противоречия могут возникать в результате ошибок, допущенных в законодательном процессе, и в этом случае предпочтение должно быть отдано конституционным принципам. Более того, в максимально короткие сроки должны быть предприняты меры по приведению принципов, закрепленных текущим законодательством, в соответствие с конституционными принципами, вплоть до

признания первых противоконституционными. Именно этим обстоятельством и объясняется практическое значение, а следовательно и теоретических смысл и необходимость подобной классификации принципов судопроизводства.

ГЛАВА 2. ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

1. Преобразования судебной системы Республики Армения в 1990-1995 гг.

Проблема построения правового государства предполагает коренные изменения в сфере осуществления правосудия, формирование судебной власти как реально независимой и самостоятельной ветви власти.

Термин «судебная власть» на конституционном уровне был впервые применен в Конституции США 1787 г. (ст. 3, раздел 1). В Республике Армения этот термин впервые был официально закреплен в Декларации «О независимости Армении», принятой 23 августа 1990 года. Согласно ст. 9 Декларации, Республика Армения на своей территории обеспечивает разграничение законодательной, исполнительной и судебной властей. Закрепление в Декларации подобного положения создало широкие возможности для быстрого развития и совершенствования правового регулирования отношений в сфере судебной власти.

В теории конституционного права декларации расцениваются как особый источник конституционного права. Они имеют особое юридическое значение, поскольку в них формулируются те принципы, которые обязательны для всего конституционно-правового развития государства. Декларации также устанавливают те концепции, которые определяют последующее развитие государственности, и те принципы, в соответствии с которыми должно формироваться законодательство. В этом смысле Декларация «О независимости Армении» выполняла особую роль в процессе конституционно-правового развития Республики Армения вплоть до принятия Конституции 1995 года. Согласно ст. 12 Декларации, она «служит основой для разработки Конституции Республики Армения, а в действующей Конституции – для осуществления изменений и дополнений, деятельности государственных органов, разработки нового законодательства Республики».

В процессе формирования новой системы государственной власти РА Декларация получила решающее конституционно-правовое значение в результате принятия Конституционного закона «О законодательных актах, принятых в

соответствии с Декларацией «О независимости Армении» от 10 декабря 1990 года. Согласно этому закону, «до принятия Конституции Республики Армения прекращается действие тех положений действующей Конституции, которые противоречат законам, принятым Верховным Советом Республики Армения на основании Декларации «О независимости Армении».

Рассматриваемый закон не прекратил действие советской Конституции и тем самым не создал пробелов в сфере конституционно-правового регулирования. Он частично лишил действующую Конституцию высшей юридической силы. Конституция сохранила высшую юридическую силу в отношении всех законов, за исключением законов, принятых на основании Декларации. Последние, в свою очередь, получили более высокую юридическую силу в отношении действующей Конституции. Декларация же, в свою очередь, получила высшую юридическую силу в законодательной системе Республики Армения.

С точки зрения юридической корректности рассматриваемый конституционный закон конечно же может быть оценен по-разному, не исключая и оценок критических. Так, Г. Даниелян считает, что этот закон с чисто правовой точки зрения был не таким неувязчивым: даже не были соблюдены требования относительно видов правовых актов, однако такая постановка вопроса в такой особенный исторический период не имела какой-либо актуальности, поскольку шаги эти расценивались как продиктованные требованиями демократии и неизбежные. В любом случае этот закон предоставил возможность для преодоления, посредством обычных законодательных процедур, «сопротивления» осуществляемым преобразованиям со стороны советской Конституции. На основании Декларации и Конституционного закона от 10 декабря был принят ряд важнейших законов. В частности, 26 февраля 1991 года был принят Закон РА «Об общественно-политических организациях», который стал конституционно-правовой основой многопартийной политической системы Республики Армения.

Однако созданные этим конституционным законом возможности не были использованы в полной мере. В рассматриваемый период преобразования охватили лишь законодательную и исполнительную ветви власти. В сфере судебной власти ситуация не изменилась даже по принятии Конституционного закона РА «Об основах независимой государственности», в ст. 6 которого было непосредственно закреплено: «Система, рамки полномочий и вопросы взаимоотношения органов судебной власти Республики Армения регулируются законодательством Республики Армения». До принятия Конституции 1995 года конституционно-правовые основы судебной системы не претерпели качественных изменений.

Неверно будет предположить, что преобразования судебной системы не осуществлялись потому, что их необходимость не осознавалась. Это было актуальной задачей, свидетельством важности которой являются принятые Верховным Советом Республики Армения 23 ..... и 2 ноября 1992 года постановления о продлении срока полномочий народных судей областных (городских) народных судов Республики Армения. В первом постановлении продление срока полномочий народных судей непосредственно мотивировалось, «исходя из необходимости осуществления судебной реформы в Республике Армения». Пунктом вторым второго постановления Комиссии по правовым вопросам Верховного Совета Республики Армения уже давалась рекомендация в месячный срок представить к обсуждению Верховного Совета основные принципы судебной реформы.

Обсуждение концепции судебно-правовой реформы состоялось на заседании Верховного Совета от 13 апреля 1993 года. Концепцией предусматривалось подготовить и осуществить ряд шагов в направлении к обеспечению независимости судов от исполнительной власти, создать трехзвенную судебную систему, включая апелляционную инстанцию, ввести институт присяжных, полномочие по санкционированию предварительного заключения предоставить судам, освободить суд от обязанности добывать доказательства для стороны обвинения и предоставить ему лишь функцию беспристрастного арбитра и пр. Однако Верховный Совет голосованием не одобрил документ, представленный в связи с концепцией судебно-правовой реформы. Думается, существенную роль здесь сыграли ведомственные подходы и ведомственные интересы. Так, если министр юстиции выступил в защиту представленного документа, то Генеральный прокурор Республики и председатель Верховного суда выразили озабоченность в связи с предлагаемыми в тот момент коренными изменениями судебно-правовой системы, учитывая тот факт, что в Республике отсутствует единая судебная система. Таким образом, процесс преобразований, направленных на становление новой единой судебной системы, был приостановлен именно под предлогом отсутствия в Республике единой судебной системы. В результате до принятия Конституции 1995 года каких-либо существенных шагов в направлении реформирования судебной системы предпринято не было и до 1999 года в нашей стране продолжила действовать судебная система, по сути унаследованная от советского периода.

Разумеется, будет неверно преположить, что в рассматриваемый период судебная власть пребывала в состоянии полного застоя. Определенным изменениям подверглась структура судебной системы. Параллельно с формированием национальной армии, в судебной системе суверенного государства прежде всего, безусловно, должна была сформироваться подсистема военных судов. 25 июля 1992

года был принят Закон РА “Об образовании Военного трибунала в судебной системе Республики Армения”, в соответствии с которым в судебной системе РА был создан Военный трибунал, а в составе Верховного суда – Судебная коллегия по военным делам.

Содержательные изменения были внесены также в законодательство, устанавливающее порядок деятельности судов. Так, Законом РА “О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РА, Гражданский процессуальный кодекс РА и Закон Республики Армения “О судеустройстве” от 8 июня 1994 года были внесены изменения в процедуры уголовного и гражданского судопроизводства.

Как известно, в порядке, установленном советским законодательством, уголовные и гражданские дела, как правило, рассматривались в составе судьи и присяжных. При этом институт присяжных по сути представлял собой сфальсифицированную форму института присяжных, принятого в демократических государствах. Если присяжные принимали активное и решительное участие только в процессе выявления и оценки фактических обстоятельств дела, то в советской системе присяжные наравне с судьей участвовали во всех этапах рассмотрения дела, включая юридическую квалификацию (выбор нормы права, предусматривающей данную правовую ситуацию, и ее анализ с точки зрения подлинности содержания и законности, с точки зрения действия во времени, пространстве, по кругу лиц), равно как и анализ содержания нормы и вынесение решения или приговора. В то время как очевидно, что юридический анализ фактических обстоятельств дела и анализ содержания нормы, равно как и вынесение постановления – это процессы, предполагающие специальные юридические знания и умение, высокий уровень профессионализма. Следовательно, участие присяжных на этих этапах судопроизводства, как правило, носило формальный характер и последнее слово оставалось за профессиональным судьей. В новых условиях выявился еще один существенный недостаток этой процедуры. Судьи зачастую пытались обосновать принятие необоснованных или же попросту незаконных окончательных актов якобы позицией присяжных, пытаясь тем самым уйти от ответственности. Учитывая указанные обстоятельства, законом был установлен новый порядок, согласно которому в составе судьи и присяжных осуществлялось рассмотрение уголовных дел исключительно по тяжким преступлениям. Остальные уголовные дела рассматривались судьями единолично.

Тем же законом было установлено, что рассмотрение гражданских дел во всех судах первой инстанции осуществляется судьями единолично; рассмотрение дел в кассационном порядке осуществляется в составе трех судей; рассмотрение дел в

порядке надзора Коллегия по гражданским делам Верховного суда осуществляет в составе трех судей, Президиум Верховного суда – в составе большинства членов Президиума, а Пленум Верховного суда – в составе не менее чем двух третей членов Пленума.

Были также внесены изменения в законодательство, устанавливающее статус судей. Законом РА “Об установлении квалификационных классов судей судов Республики Армения” от 21 июня 1993 года были установлены следующие квалификационные классы: высший квалификационный класс, первый квалификационный класс, второй квалификационный класс, третий квалификационный класс, четвертый квалификационный класс, пятый квалификационный класс.

На первых порах переходного периода, когда ряд лиц, наделенных иммунитетом неприкосновенности, стали воспринимать процесс демократизации как вседозволенность, стал актуальным вопрос о привлечении этих лиц к ответственности, в том числе - уголовной. В силу данного обстоятельства Постановлением Верховного Совета РА от 10 октября 1994 года был утвержден порядок рассмотрения ходатайств Генерального прокурора Республики Армения о привлечении к уголовной ответственности депутатов и кандидатов в депутаты местных Советов, кандидатов в депутаты Верховного Совета, народных судей областных и городских народных судов, народных заседателей.

На основании Конституционного закона от 10 декабря 1990 года существенные изменения были внесены в порядок организации и деятельности двух других ветвей власти – законодательной и исполнительной, а также в законодательство, устанавливающее компетенцию последних. В частности, 1 августа 1991 года был принят Закон РА “О Президенте Республики Армения”, а 19 ноября того же года – Закон РА “О Верховном Совете Республики Армения”. Законами были внесены коренные изменения во всю систему государственной власти РА: был введен институт Президента, претерпела изменения система исполнительной власти, включая порядок формирования правительства, Верховный Совет лишился полномочий, не свойственных органу законодательной власти. Тем самым система государственной власти определенно была приведена в соответствие с принципом разделения властей. Посредством этих законов по сути был произведен переход от советской формы правления к полупрезидентской республике.

Разумеется, изменения в законодательной и исполнительной ветвях власти повлияли также и на правовое регулирование отношений в сфере судебной системы. Так, в соответствии со ст. 98 Конституции Армянской ССР 1978 года, Верховный Совет являлся высшим органом государственной власти, который, помимо

полномочий, непосредственно предоставленных ему Конституцией, мог заниматься рассмотрением и решением любых важнейших вопросов, касающихся общественной и государственной жизни Республики. Таким образом, помимо судов, отправлением «правосудия» мог заниматься также «высший орган государственной власти» – Верховный Совет АССР. Само собой разумеется, положение это полностью исключало принцип разделения властей. Ведь именно возможностью, предоставленной ему этим положением и воспользовался Верховный Совет, приняв 17 апреля 1991 года Постановление «О национализации имущества Коммунистической партии Армении и бывшего Ленинского Коммунистического союза молодежи Армении». Примечательно, что национализация имущества компартии и комсомола в постановлении была обоснована тем, что срастание компартии и структур государственной власти, главенствующая роль компартии были использованы в целях накопления в руках партии огоромных материальных ресурсов, и имущество компартии было создано за счет нескольких поколений граждан, государственных средств. Т. е. Верховный Совет фактически осуществил функцию судебной власти.

Следовательно, Закон РА «О Верховном Совете», лишив этот орган возможности осуществлять функции правосудия, предоставил таковую только судебным органам. Иначе говоря, рассматриваемый закон создал ситуацию, которая впоследствии была закреплена в Конституции РА: правосудие осуществляют только суды.

В сфере функционирования судебной власти был осуществлен также ряд других изменений, обусловленных процессом формирования независимой государственности. В частности, судебная система РА стала цельной, поскольку фактически из нее выбыл Верховный суд СССР, осуществлявший до этого надзорные полномочия в отношении судебной системы РА. После утраты господствующей ранее коммунистической партией «руководящей и направляющей» роли и формирования многопартийной системы суды выбыли из-под партийного контроля. Одновременно они действовали в организационном подчинении у органа исполнительной власти – Министерства юстиции.

Обобщая сказанное, можно заключить, что в период с 1990 по 1995 годы в области конституционно-правового регулирования формирования и деятельности судебной власти были осуществлены определенные изменения. Изменения эти касались самых различных областей организации и функционирования судебной системы: структуры судебной системы, процессуальных процедур, порядка назначения судей, порядка привлечения их к ответственности и пр. И тем не менее изменения эти осуществлялись в отсутствие единой концепции и носили фрагментарный характер. По существу же судебная система осталась прежней, советской, которой были характерны:

1. существенная зависимость от органов исполнительной власти,
2. нечеткое разграничение процессуальной компетенции между судами различных инстанций и сосредоточение в одном суде (Верховный суд РА) производства по первой инстанции, кассационного производства и надзорного производства, вследствие чего суды первой инстанции оказались в значительной зависимости от высшей судебной инстанции,
3. отсутствие какого-либо эффективного механизма самоуправления судей,
4. карательный характер правосудия и нагруженность судов и судей определенными обвинительными функциями,
5. несостязательный процессуальный порядок и контрольные полномочия одной из сторон в отношении суда,
6. отсутствие апелляционного производства.

Все это дает основание говорить о судебной власти рассматриваемого периода не как о ветви государственной власти, а всего лишь как о судебной системе, и не о самостоятельных функциях этой системы, а об осуществлении ею установленных законодательством полномочий. Именно устранению этих недостатков действующей судебной системы должна была способствовать Конституция Республики Армения 1995 года.

2. Первый этап становления судебной власти (1995-2005 гг.)

Содержательное реформирование судебной системы, ее перевоплощение в судебную власть началось с принятием Конституции РА 1995 года. Конституция 1995 года сыграла двоякую роль в процессе реформирования всей системы государственной власти. Прежде всего, Конституцией уточнились и уже на уровне Основного закона закрепились все изменения, осуществленные в области организации и функционирования законодательной и исполнительной ветвей власти Законами “О Президенте Республики Армения” и “О Верховном Совете Республики Армения”.

Одновременно Конституцией были закреплены новые принципы и нормы организации и функционирования судебной власти и системы местного самоуправления.

Конституцией 1995 года прежде всего вновь утвердились уже провозглашенные Декларацией “О независимости Армении” и Конституционным законом «Об основах независимой государственности» от 24 сентября 1991 года основополагающие принципы разделения властей и независимости судебной власти. И если до принятия Конституции в направлении законодательной конкретизации и реализации этих принципов не было предпринято каких-либо практических шагов, то Конституцией

1995 года они не только были провозглашены, но и были закреплены практические конституционно-правовые механизмы их реализации.

Принципы и положения, регулирующие отношения в сфере судебной власти, закреплены в разных главах Конституции. В частности, с организацией и функционированием судебной власти тесно связаны закрепленные в главе “Основы конституционного строя” такие принципы, как обязательство государства обеспечивать защиту основных прав и свобод человека на основе Конституции и законов - в соответствии с принципами и нормами международного права (ст. 4), осуществление государственной власти в соответствии с Конституцией и законами - на основе принципа разделения законодательной, исполнительной и судебной властей (ч. 1 ст. 5), правомочие государственных органов и должностных лиц совершать только такие действия, на которые они уполномочены законодательством (ч. 2 ст. 5), гарантирование верховенства закона (ст. 6).

В современной юридической литературе получило всеобщее признание положение, согласно которому демократическая конституция должна обеспечивать эффективное решение двух взаимосвязанных задач по: а) закреплению и гарантированию прав и свобод человека и гражданина, б) установлению такой системы организации и функционирования государственной власти, которая была бы в состоянии охранять и защищать эти права и свободы. Следовательно, положения ряда норм главы второй Конституции (“Права и свободы человека и гражданина”) во многом определяют, в частности, особенности организации и функционирования судебной власти. Ключевую роль здесь играет положение ст. 38 Конституции: “Каждый для восстановления своих нарушенных прав, а также выяснения обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право на публичное рассмотрение своего дела в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости, независимым и беспристрастным судом”.

Принципиальное значение для формирования всей системы органов судебной власти имела норма, закрепленная ч. 3 ст. 40 Конституции: “Каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора в вышестоящем суде в установленном законом порядке”. Очевидно, что это положение само по себе уже определяло существование апелляционной инстанции в судебной системе. Здесь следует заметить, что даже законодательством РФ, по финансовым соображениям посчиталось нецелесообразным образование апелляционных судов. Закрепленные в той же главе некоторые права человека и гражданина определяли также и содержание принципов правосудия. Такое значение имели, в частности, презумпция невиновности и в особенности те положения, согласно которым: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, а неподтвержденные подозрения должны толковаться

компетентными органами, в том числе судами, в пользу обвиняемого (ст. 41), никто не обязан давать показания против себя самого, своего супруга (супруги) и близких родственников (ст. 42, ч. 1), а также положения чч. 2-5 ст. 42, запрещающие правоохранительным органам и судам: использование доказательств, приобретенных с нарушением закона (ч. 2), назначение наказания более строгого, чем то, которое могло быть применено по закону, действующему в момент совершения преступления (ч. 3), признание человека виновным в преступлении, если по закону, действующему в момент совершения деяния, оно не считалось преступлением (ч. 4), придание обратной силы закону, устанавливающему ответственность или усиливающему ответственность (ч. 5).

Положения некоторых статей второй главы Конституции непосредственно устанавливают конкретные и исключительные полномочия судов. В частности, человек может быть заключен под стражу (ст. 18), тайна сообщений может быть ограничена (ст. 20), жилище может быть подвергнуто обыску (ст. 21) только по решению суда.

Прочие конституционно-правовые принципы и положения касательно судебной власти были закреплены в особой, регулирующей отношения в сфере организации и функционирования судебной власти главе (глава 6 “Судебная власть”). В этом смысле важное значение имели следующие конституционные принципы: осуществление правосудия только судами - в соответствии с Конституцией и законами (ст. 91), введение трехзвенной судебной системы, включая суды апелляционной инстанции (ст. 92, ч. 1), формирование специализированных судов (ст. 92, ч. 2), формирование Совета правосудия (ст. ст. 94, 95), несменяемость судьи и члена Конституционного Суда (ст. 96), независимость и подчинение только закону судьи и члена Конституционного Суда при осуществлении ими правосудия (ст. 97, ч. 1), образование Конституционного Суда (ст. ст. 99-102).

В то же время, как уже было отмечено, в Конституции нашел место ряд спорных положений, касающихся судебной власти. В частности, независимость судов гарантировалась не Конституцией и законами, а Президентом Республики (ст. 94, ч. 1). Предусмотренные ст. 94 Конституции состав и порядок действия Совета правосудия явно не соответствовали решению задачи по обеспечению независимости судей. Достаточно лишь отметить, что должность председателя Совета правосудия при Президенте РА была предоставлена именно Президенту Республики. Заместителями председателя Совета правосудия являлись представители исполнительной власти – министр юстиции и Генеральный прокурор. В состав Совета правосудия входили также три прокурора. В результате из 17 членов Совета правосудия лишь 9 представляли судейский корпус. На решение вопросов по формированию судейского

корпуса, поощрения и привлечения судей к ответственности большое влияние оказывали лица, не состоящие в судебном корпусе.

Степень зависимости судебной власти от исполнительной еще более возрастала по той причине, что списки должностной пригодности и служебного продвижения судей составлялись Советом правосудия по предложению представителя исполнительной власти – министра юстиции. Министр юстиции играл решающую роль также в процессе назначения судей апелляционных судов и судов первой инстанции: Совет правосудия лишь давал заключение по кандидатурам судей, представленным министром юстиции.

Чрезвычайно спорным является и вопрос о преобразовании Верховного суда в Кассационный суд. Сторонники этого изменения, конечно же, могли привести определенные аргументы в его пользу. Скажем, образование Конституционного Суда само по себе ставило под вопрос целесообразность того, чтобы какой-либо суд именовался “Верховным”. Однако эти аргументы нельзя назвать справедливыми и правомерными. Помимо этого в соответствии с советской “традицией” “Верховными” провозглашались те государственные органы, которые были наделены чрезмерно широкими и содержательными полномочиями. Так, “Верховный Совет” был правомочен обсуждать и решать любые важнейшие вопросы, касающиеся общественной и государственной жизни. “Верховный суд” был правомочен рассматривать дела и как суд первой инстанции, и как кассационный суд, и как надзорная инстанция. Поэтому преобразование Верховного суда в Кассационный имело целью подчеркнуть, уже в наименовании, что суд этот являлся чисто кассационной инстанцией. Тем не менее оно имело и отрицательные последствия. Однако такое преобразование имело и отрицательные последствия. Судебная власть тем самым определенно лишилась своего системного признака, поскольку было упразднено важнейшее звено системы, которое было бы в состоянии выступить в качестве ключевого элемента этой ветви власти, обеспечить разработку и реализацию единой судебной политики, единообразное применение законов в судебной практике.

Именно этим и объяснялась необходимость осуществления второго этапа судебной реформы, в том числе - посредством конституционных изменений. Однако следует констатировать, что принятием Конституции 1995 года был сделан существенный шаг в направлении формирования судебной власти.

Таким образом, Конституция заложила фундамент для коренного преобразования судебной власти. Однако для его практической реализации требовался определенный переходный период. В этом смысле примечательно, что в восьми из одиннадцати переходных положений Конституции 1995 года были закреплены задачи, связанные именно с реформой в сфере судебной власти. Данное обстоятельство

объясняется не столько сложной структурной системой судебной власти (система исполнительной власти также чрезвычайно сложна и разветвлена), сколько необходимостью существенных изменений в области становления судебной власти.

По существу была поставлена задача преобразования советской судебной системы в соответствующую требованиям демократии, независимую судебную власть. Как справедливо замечает В. Назарян, суть реализуемой в Республике Армения судебно-правовой реформы в сжатой форме отображена в ст. 1 Конституции РА, характеризующей наше государство как суверенное, демократическое, социальное и правовое. Естественно, требовалось создание равноценных ему судебной власти и системы правоохранительных органов. В основу программы реформы должен быть заложен закрепленный в ст. 6 Конституции принцип верховенства закона. Она должна быть направлена на реализацию того положения, согласно которому «государственные органы и должностные лица правомочны совершать только такие действия, на которые уполномочены законодательством». О сложности задачи свидетельствует то обстоятельство, что пп. 9 и 10 ст. 116 Конституции для формирования системы судебной власти было предусмотрено три с половиной года.

На практике эта система была окончательно сформирована в январе 1999 года.

Системный анализ мероприятий, предпринятых в рассматриваемый период, дает возможность выделить четыре основных направления реформирования судебной власти:

- формирование нормативной системы судебной власти, окончательным результатом которого должно было стать формирование судебного права как самостоятельной отрасли права РА,

- институциональные преобразования, основной направленностью которых было формирование новой, соответствующей требованиям демократии системы органов судебной власти,

- функциональные преобразования, которые должны были обеспечить оптимализацию функций органов судебной власти с тем, чтобы последние имели возможность осуществлять правосудие без неуместного вмешательства других ветвей власти (законодательных и исполнительных органов) и в то же время избавиться от функций, по существу своему свойственных органам исполнительной власти,

- формирование нового судейского корпуса, его пополнение такими новыми кадрами, которые были бы в состоянии действовать эффективно в условиях демократической судебной власти.

Конечно все эти направления тесно взаимосвязаны. Наличие определенной функции само по себе - обязательная предпосылка формирования соответствующей структуры. В отсутствие определенной четкой функции формирование какой-либо

структуры бессмысленно. В то же время, наличие определенной структуры существенно предопределяет внутреннее перераспределение функций между ее составляющими. Образование новых функций и новых структур делает необходимыми изменения индивидуального состава судейского корпуса, вовлечение в него лиц, которые были бы в состоянии выполнять в новых структурах новые функции. В то же время очевидно, что все указанные преобразования было возможно осуществить только посредством формирования конституционно-правовых основ судебной власти, верной и четкой конкретизации и закрепления в текущем законодательстве конституционных принципов и норм судебной власти.

Уже через несколько месяцев после вступления Конституции в силу был принят первый законодательный акт, направленный на формирование судебной власти – Закон РА «О Совете правосудия». Необходимость первоочередного принятия этого закона была обусловлена требованием п. 9 ст. 116 Конституции, согласно которому полномочия судей районных (городских) народных судов продлевались на срок до шести месяцев, в течение которого Президент Республики по предложению Совета правосудия должен был назначить на трехлетний срок судей районных (городских) народных судов.

Следующим стал Закон РА «О Конституционном Суде», принятый 20 ноября 1995 года. Неотложность принятия этого закона состояла в необходимости обеспечения авторитета новой Конституции. Очевидно, что любая новая конституция существенно изменяет всю систему права данного государства. Причем высшая юридическая сила конституции предполагает наличие эффективных механизмов по приведению системы права в соответствие с требованиями конституции. В демократических государствах именно конституционные суды выступают в качестве важнейшей составляющей такого механизма. Однако следует заметить также, что именно основополагающие положения о Конституционном Суде, закрепленные самой же Конституцией, существенно ограничивали эффективность функционирования Конституционного Суда в указанном направлении. Особенно отрицательную роль здесь сыграла чрезмерная ограниченность круга субъектов, обладающих правом обращаться в Конституционный Суд.

Создание Конституционного Суда и Совета правосудия – важнейшая гарантия независимой судебной власти в развитых демократических странах. Тем не менее, противоречивые и непоследовательные формулировки соответствующих положений Конституции сделали практически невозможным эффективное и полноценное выполнение соответствующих функций этими важнейшими институтами, образованными в результате первого этапа судебной реформы.

С целью обеспечения и координации реализации последующих работ по формированию судебной власти был издан ряд указов Президента РА. Указом Президента РА «О судебно-правовой реформе РА» от 8 ноября 1996 года Правительству было поручено «в 3-месячный срок, консультируясь с Конституционным Судом Республики Армения, Постоянной комиссией по государственно-правовым вопросам Национального Собрания Республики Армения, Верховным судом Республики Армения и Прокуратурой Республики Армения, представить Президенту РА предложения относительно судебно-правовой реформы в Республике Армения».

Указом Президента РА «О мероприятиях по выполнению Указа Президента РА «О реформировании судебно-правовой системы Республики Армения» от 8 ноября 1996 года» от 5 февраля 1997, с целью обсуждения предложений Правительства относительно реформирования судебно-правовой системы РА, а также организации и координации работ, связанных с программой, была образована государственная комиссия. Указом Президента РА «Об утверждении графика судебно-правовой реформы в Республике Армения» от 27 февраля 1997 года было установлено, что принятие необходимых для судебно-правовой реформы кодексов должно закончиться в августе 1998 года. Указом Президента РА от 11 августа 1997 года была утверждена принятая 2 августа 1997 года Государственной комиссией по судебно-правовой реформе «Программа судебно-правовой реформы», которая и стала основой для осуществления реформ.

Следует заметить, что содержание принятых впоследствии законов в ряде вопросов существенно отличалось от подходов, закрепленных в Программе. Так, Программой предусматривалось создание двух видов судов первой инстанции – местных и областных (межмуниципальных) судов. Однако принятый впоследствии Закон РА «О судоустройстве» предусмотрел создание только областных и межмуниципальных судов первой инстанции. Программой предусматривалось создание трех апелляционных судов общей юрисдикции – в Ереване, Гюмри и Арташате, - каждый из которых должен был состоять из гражданской, уголовной, хозяйственной и военной судебных коллегий и обвинительной палаты. Вместо этого Законом «О судоустройстве» было предусмотрено создание специализированных апелляционных судов. Программой предусматривалось формирование Пленума Кассационного суда РА, что в Законе «О судоустройстве» закрепления не получило.

Воздержимся от подробного анализа различий между положениями, закрепленными в Программе судебно-правовой реформы и Законе «О судоустройстве», что выходит за пределы темы нашего исследования, и отметим лишь,

что решения, нашедшие место в Законе «О судоустройстве», были намного более реалистичными и соответствовали сложившимся в Республике условиям.

В то же время, думаем, что и в Программе, и в Законе «О судоустройстве» содержались определенные необоснованные или же просто ошибочные подходы. Так, явно ошибочным явилось то обстоятельство, что Программа не предусмотрела, да и Закон не закрепил требование образования хозяйственных судов первой инстанции. В то время как в рассматриваемый период необходимость создания подобного суда была очевидной. Дело в том, что в рассматриваемый период уровень профессиональной подготовки судей судов общей юрисдикции первой инстанции явно не позволял им рассматривать и разрешать хозяйственные дела на должном уровне. Это обстоятельство вскоре стало очевидным, и впоследствии допущенная ошибка была исправлена: Законом от 11 сентября 2001 года был образован Хозяйственный суд первой инстанции. Как уже было отмечено выше, Указом Президента РА «Об утверждении графика судебно-правовой реформы в Республике Армения» от 27 февраля 1997 года было установлено, что принятие необходимых для судебно-правовой реформы кодексов должно было закончиться в августе 1998 года.

В соответствии с Графиком эти кодексы и законы в основном были приняты летом 1998 года.

Закон РА «О статусе судей», принятый 17 июня 1998 года, отрегулировал отношения относительно независимости, материального и социального обеспечения, безопасности и иных гарантий деятельности судей, установил основы прекращения полномочий и дисциплинарной ответственности судей, присуждаемые судьям квалификационные классы и связанные с ними привилегии.

17 июня 1998 года был принят Гражданский процессуальный кодекс РА, а 1 июля того же года – Уголовно-процессуальный кодекс РА. Кодексами были установлены порядок производства по гражданским и уголовным делам, включая порядок рассмотрения дел в суде первой инстанции, особенности апелляционного и кассационного производства. Кодексами были закреплены новые, демократические принципы и процедуры отправления правосудия.

В процессе формирования судебной власти имел ключевое значение принятый 18 августа 1998 года Закон РА «О судопроизводстве», вступивший в силу 12 января 1999 года.

В законе была закреплена система органов судебной власти: 12 судов первой инстанции (10 областных и в Ереване – 7 межмуниципальных), 3 апелляционных суда (Апелляционный суд по гражданским делам, Апелляционный суд по хозяйственным делам, Апелляционный суд по уголовным и военным делам) и Кассационный суд в

составе председателя Кассационного суда, Палаты по гражданским и хозяйственным делам, Палаты по уголовным и военным делам.

Однако значение данного закона в деле становления судебной власти приобретает еще большее значение в силу того обстоятельства, что по нему полномочия, ранее осуществляемые органом исполнительной власти – Министерством юстиции – ныне были предоставлены председателям соответствующих судов и Совету председателей судов. Так, ст. ст. 16, 19 и 21 Закона председателям судов первой инстанции, апелляционных судов и председателю Кассационного суда РА были предоставлены следующие полномочия: следить за трудовой дисциплиной судей, в установленном законом порядке предоставлять судьям отпуск, распоряжаться финансовыми средствами суда, обеспечивать организацию нормального функционирования суда. Председатель Кассационного суда, помимо этого, был наделен полномочием по регистрации адвокатов, имеющих специальную аккредитацию, а также полномочием по регистрации союзов адвокатов, которое прежде также осуществлялось Министерством юстиции.

Ряд организационных полномочий был предоставлен Совету председателей судов. Согласно ст. 27 Закона Совет:

- рассматривает вопросы, связанные с обеспечением нормальной деятельности Кассационного Суда, апелляционных судов и судов первой инстанции;

- разрабатывает и утверждает порядок распределения дел в судах первой инстанции, назначения составов суда в апелляционных судах и председательствующих в них судей, замены председателя и судей суда в случае отвода, самоотвода, отпуска или болезни судей;

- разрабатывает и утверждает Кодекс поведения судей;

- составляет и в установленном порядке представляет Правительству по каждому суду заявки на бюджетное финансирование судов;

Ст. 29 Закона было непосредственно установлено, что каждый суд РА финансируется из государственного бюджета - отдельной строкой. Тем самым была устранена необходимость осуществления Министерством юстиции полномочий по организационному руководству судами и их финансовому и материальному обеспечению.

Выполнение организационных и обеспечительных функций (финансовых, материально-технических, информационно-аналитических и т.д.) органами судебной власти, под руководством высших органов судебной власти и независимо от произвольных решений других ветвей власти – обязательное условие преобразования судебной системы в судебную власть. «В специальной литературе справедливо отмечается, что можно сколько угодно провозглашать независимость судей и их

подчинение только законам, однако если создание условий, необходимых для функционирования судебной системы, будет зависеть от произвольных решений того или иного органа исполнительной власти, то самостоятельность судебной системы будет фиктивной».

Согласно пп. 3 и 4 ст. 27 Закона Совет председателей судов:

- представляет компетентным государственным органам предложения по совершенствованию законов и иных правовых актов,

- в предусмотренных законом случаях обращается к Президенту Республики с ходатайством об обращении в Конституционный Суд по вопросу соответствия Конституции Республики Армения законов, постановлений Национального Собрания, указов и распоряжений Президента Республики, постановлений Правительства.

Закрепление подобных полномочий само по себе свидетельствует о том, что законодатель воспринимает судебную власть как самостоятельную ветвь государственной власти, и ей предоставляются полномочия, нацеленные на обеспечение воздействия судебной власти на законодательную деятельность и, тем самым, на формирование нормативной базы судебной власти. Следовательно, полномочия эти можно расценить как элемент системы противовесов судебной власти в отношении к законодательной. В деле обеспечения необходимых условий для эффективного функционирования судебной власти существенное значение имеет не только законодательное закрепление полномочий, необходимых для самостоятельного функционирования, но и освобождение судов от не свойственной им загруженности. Поэтому примечательно, что ст. 12 Закона функция по организации и обеспечению исполнения определений, решений и приговоров судов была возложена на Министерство юстиции. Следует заметить, что в юридической литературе такая «разгрузка» судов справедливо рассматривается как средство обеспечения эффективности и независимости судебной власти. Так, анализируя проблему эффективности и доступности правосудия в Российской Федерации, А. А. Власов замечает, что судьи все еще ответственны за выполнение ряда требований, которые должны выполняться не ими, а исполнительными органами. Это обстоятельство не только отвлекает судей от выполнения ими своих непосредственных обязанностей, направленных на осуществление правосудия, но и зачастую дает возможность исполнительным органам напрямую или косвенно вмешиваться в процесс принятия судебных решений. Единственным препятствием на пути к такому реформированию может выступить крайне неэффективное выполнение исполнительной властью функции по исполнению судебных актов, которое будет нарушать само право лиц на справедливое судебное разбирательство.

В РА формирование новой системы органов судебной власти началось с образованием Кассационного суда РА. Законом «О деятельности Кассационного суда в переходный период судебно-правовой реформы» от 1 июля 1998 года были установлены порядок образования и деятельности Кассационного суда в переходный период судебно-правовой реформы (после вступления Закона в силу и до 12 января 1999 года) и связанные с этим особенности кассационного и надзорного производства, установленные действующими Гражданским процессуальным и Уголовно-процессуальным кодексами. Примечательно, что согласно изменениям, внесенным вышеуказанным законом в Гражданский процессуальный и Уголовно-процессуальный кодексы, Кассационному суду были попросту предоставлены прежние полномочия Верховного суда. Т. е. сформированная вновь судебная инстанция в переходный период выполняла судебные функции, характерные для прежнего Верховного суда, продолжая рассматривать дела и как первая инстанция, и как кассационная инстанция, и как надзорная инстанция. Согласно ст. 5 Закона, с 10 июля 1998 года Кассационный суд считался образованным, и с того же дня прекращались полномочия членов Верховного суда.

18 июля 1998 года Президентом РА был издан Указ «О назначении председателей и судей Кассационного суда и его палат». По принятии вышеуказанных законов и указов законодательная система, регулирующая отношения в сфере судебной власти, считалась уже полностью сформированной.

5 января 1999 года был издан Указ Президента РА «О назначении председателей и судей апелляционных судов и судов первой инстанции». Указ вступил в силу 12 января 1999 года. В тот же день вступили в силу Закон РА «О судеоустройстве», Уголовно-процессуальный кодекс РА и утратил силу Закон «О деятельности Кассационного суда в переходный период судебно-правовой реформы». Таким образом, с 13 января 1999 года в полном объеме начала действовать система новой судебной власти РА. Гражданский процессуальный кодекс РА вступил в силу с 1 января 1999 года.

Роль Конституции 1995 года в деле формирования новой демократической судебной власти в отечественной юридической литературе удостоена противоречивых и даже взаимоисключающих оценок. Так, А. Гамбарян считает: «...задачи, поставленные перед реформой, не были выполнены. Конечно каждый, не страдающий правовым идеализмом (романтизмом), поймет, что результаты преобразований не могут быть ощутимы сразу же после их осуществления - для этого нужно время. Проблема здесь в другом: после преобразований в судебной системе не только не была замечена тенденция к сокращению числа порочных явлений прежней системы, но они впали в другую крайность. Независимость суда стала отождествляться с абсолютной

свободой суда, над неизбежностью ответственности взяла верх уверенность судей в своей безнаказанности, что доказывается множеством примеров из практики». Подобную ситуацию А. Гамбарян объясняет воздействием психологического фактора, в частности, тем обстоятельством, что еще не были готовы такие судейские кадры, которые смогли бы в новых условиях осуществлять правосудие.

Прежде отметим, что мы принципиально не можем согласиться с такого рода отрицательной оценкой деятельности судебной системы, сформированной после 1995 года. Думаем, после принятия Конституции судебная система не оказалась в еще более худшем положении, чем она была в советский период или в первые годы независимости. Помимо этого, автор по сути заключает, что проведение судебной реформы возможно лишь после того, как будут готовы судейские кадры, соответствующие новым требованиям. Однако открытым остается вопрос, откуда могут появиться эти кадры до проведения судебной реформы. Думается, в этом вопросе более объективна позиция Г. Бадирияна, придерживающегося того мнения, что Конституцией 1995 года «вопросы создания независимой судебной власти и защиты прав человека в соответствии с общепринятыми нормами международного права получили всестороннее решение. В ней предусмотрены почти все прогрессивные принципы, являющиеся достижением человечества и включенные в законодательство стран с развитыми и демократическими традициями...». Однако следует заметить также, что соответствующие положения Конституции были далеко не идеальны. В Конституции 1995 года нашел место и ряд непоследовательных, противоречивых и неэффективных положений касательно системы судебной власти. Поэтому думаем, что в данном вопросе наиболее уравновешенной следует считать позицию А. Арутюняна: «Конституцией была зафиксирована новая, характерная для развитых демократических стран судебная система, были установлены прогрессивные принципы формирования и функционирования судебной системы, адекватные правовому государству и соответствующие международным стандартам... История показывает однако, что в короткие сроки невозможно создать бесупречную судебную систему и совершенное законодательство. Судебно-правовая реформа, в особенности, если предусматриваются коренные концептуальные преобразования, может быть полноценно реализована лишь в течение достаточно продолжительного периода времени».

ГЛАВА 3. ВТОРОЙ ЭТАП РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

1. Основные направления второго этапа реформирования системы судебной власти

Конституционные изменения, осуществленные на референдуме, состоявшемся 27 ноября 2005 года, создали возможности для перехода ко второму этапу реформирования судебной власти, целью которого является формирование независимой и эффективно действующей системы судебной власти. Научный анализ и оценка этих преобразований по существу прежде всего требуют выявления основных направлений этих преобразований, а также конкретных задач, требующих решения.

В целом очевидно, что второй этап реформы должен был быть направлен на устранение основных институциональных и функциональных недостатков уже образованной системы судебной власти, формирование наиболее оптимальной системы сдержек и противовесов между судебной властью и двумя другими ветвями власти. Однако формулирование этой чересчур общей цели не может создать достаточных теоретических возможностей для научного анализа актуальных проблем судебной системы.

Можно выделить два основных направления конституционной реформы. Первое представляет собой оптимализацию системы судебной власти и ее основных составляющих, а также повышение, посредством максимально целесообразного перераспределения полномочий между основными элементами судебной власти, эффективности функционирования этих элементов и всей системы в целом. Второе направление – это такое налаживание механизмов сдержек и противовесов, которое создало бы возможность для качественного повышения уровня реальной независимости судебной власти как независимой ветви власти.

В данном разделе диссертации будут рассмотрены проблемы первого направления конституционной реформы.

В результате конституционных преобразований в первую очередь были существенно расширены конституционно-правовые основы судебного права. В Конституцию был включен ряд необходимых положений, совершенно новых для системы права РА. Они касались, в частности, функциональных элементов судебной власти. В этом смысле трудно переоценить значение чч. 1 и 3 ст. 3 Конституции. Ч. 1 рассматриваемой статьи установлено: “Человек, его достоинство, основные права и свободы являются высшей ценностью”, ч. 3 предусматривает: “Государство ограничено основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися

непосредственно действующим правом”. Это – те наиважнейшие ценности и ориентиры, которыми должна руководствоваться вся система государственной власти и, в особенности, система судебной власти - при отправлении правосудия. С точки зрения осуществления правосудия важное значение имеют также закрепление в ч. 1 ст. 16 исчерпывающего списка случаев, в которых может предусматриваться лишение свободы, положение ч. 5 той же статьи, согласно которой человека нельзя лишать свободы только по той причине, что он не в состоянии выполнять гражданско-правовые обязательства, а также положения чч. 2, 3, 4 и 6.

С точки зрения административной юстиции важное значение имеет изменение, внесенное в ч. 2 ст. 5 Конституции, согласно которому государственные органы, органы местного самоуправления и должностные лица правомочны совершать только такие действия, на которые они уполномочены не законодательством (как это предусматривалось до конституционной реформы), а Конституцией или законами.

В контексте избранного нами системного подхода для выявления и научного анализа основных направлений и конкретных целей реформирования любой системы, в том числе и системы судебной власти, необходимо в первую очередь оценить существующее состояние данной системы и существующие результаты ее функционирования и сравнить с желаемым состоянием и желаемыми результатами, далее на основании этого сравнения выявить расхождения между ними и в результате сформулировать цели, стоящие перед реформой. Разумеется, совершенствование всей системы подразумевает прежде всего необходимость совершенствования основных элементов этой системы.

Следовательно, системный подход предполагает, что для изучения сложной системы необходимо выявить также существующее состояние основных составляющих этой системы и на основании сравнения с желаемым состоянием теоретически предусмотреть основные направления и цели совершенствования основных компонентов системы.

Нами уже было обосновано, что система судебной власти состоит из трех основных компонентов: судебное право как нормативная основа судебной власти, функция судебной власти, институциональная система (система судов) судебной власти.

Прежде проанализируем нормативную основу судебной власти - проблемы формирования судебного права, как самостоятельной отрасли системы права РА.

В теории права получило всеобщее признание положение, согласно которому объективным критерием подразделения системы права любого государства на отрасли и институты является многообразие различных комплексов общественных отношений, именуемое предметом правового регулирования.

Помимо предмета правового регулирования, критерием отделения одной отрасли права от других отраслей считаются также особенности метода правового регулирования. Так, отраслям гражданского, семейного, а также трудового права свойственен диспозитивный метод, предоставляющий сторонам соответствующих правоотношений широкие возможности для выбора варианта поведения по собственной воле. В то время как отраслям права, регулирующим деятельность государства и его органов, свойственно использование в основном императивного метода правового регулирования, т.е. преобладание таких правовых норм, которые обязательны к выполнению субъектами соответствующих правоотношений. При этом предмет правового регулирования считается основным критерием такого разграничения, а метод – второстепенным. Подобный подход получил широкое распространение также в области отраслевых юридических наук. Так, авторы учебника “Конституционное право Республики Армения” понятие отрасли конституционного права характеризуют посредством акцентирования предмета и особенностей метода этой отрасли.

Несмотря на то, что этот подход получил всеобщее признание как в области общей теории права, так и в области отраслевых юридических наук, тем не менее думаем, что единственным критерием разграничения отраслей и институтов системы права должен быть признан предмет правового регулирования. Что касается метода правового регулирования, то он, по нашему убеждению, является основой для подразделения не системы права – на отрасли и институты, а отраслей права – на отрасли публичного и частного права. Доказательством тому – то обстоятельство, что в литературе выделяются два основных метода правового регулирования – императивный метод, характерный для отраслей публичного права, и диспозитивный метод, применяемый в основном в отраслях частного права.

Эти общетеоретические положения служат основой для научного анализа проблем, связанных с современным судебным правом Республики Армения, и, в частности, для ответа на вопрос, можно ли утверждать, что судебное право уже сформировалось как самостоятельная отрасль системы права РА, или же эта отрасль все еще находится на стадии формирования.

Следует заметить, что в юридической литературе получил широкое распространение тот бесспорно обоснованный тезис, согласно которому важнейшим признаком того, что тот или иной комплекс правовых норм сформировался как самостоятельная отрасль права, является регулирование соответствующих сфер общественной жизни кодифицированным актом – кодексами, основами законодательства, регламентами, уставами. Во всех основных отраслях права Республики Армения существуют такие акты, как правило – кодексы. Причем кодексы

могут являться единственным нормативно-правовым актом, регулирующим соответствующие комплексы общественных отношений (например, уголовный кодекс), либо содержать наиболее важную и основную по своему объему часть правовых норм, регулирующих эти комплексы. Во всяком случае именно в кодексах содержатся нормы-принципы и нормы-определения, являющиеся основой правового регулирования соответствующих областей. Однако в кодексах обобщаются также нормы непосредственного регулирования, устанавливающие конкретные правила поведения участников общественных отношений.

Разумеется, размежевание предметов регулирования различных отраслей сопряжено с определенными теоретическими трудностями, хотя бы по той простой причине, что отдельные части соответствующих комплексов общественных отношений зачастую совпадают. Так, отдельные разновидности имущественных отношений являются предметом регулирования не только гражданского, но и земельного, трудового права. В некоторых случаях совпадают также отдельные разновидности общественных отношений, являющиеся предметом регулирования материального права и процессуальных отраслей права (например, судебного права и гражданского процессуального и уголовно-процессуального права). Именно поэтому самым существенным признаком становления соответствующей отрасли является наличие соответствующего кодифицированного акта (в первую очередь, кодекса).

Следует заметить, что вопрос возможности или целесообразности создания Судебного кодекса был предметом довольно серьезного обсуждения в постсоветской юридической литературе. Относительно этого вопроса существуют взаимоисключающие мнения. Одни авторы отрицают возможность создания судебного кодекса. Так, И. Л. Петрухин подчеркивает, что судебное право, являясь средством сближения отраслей права, тем не менее не может быть упорядочено в отдельном правовом акте. А. Гуськов и Н. Муратова также отрицают необходимость судебного кодекса, в то время как З. Х. Лусигенова настаивает на необходимости кодификации законодательства о судебной власти и создания в будущем судебного кодекса. Идею создания судебного кодекса так или иначе защищает также М. И. Клеандров.

Мы не будем вдаваться в подробное изложение и обсуждение взаимоисключающих подходов вышеуказанных авторов. Главный критерий истинности теоретических положений – общественная практика. В Республике Армения принят и уже довольно успешно действует Судебный кодекс, в котором кодифицировано законодательство о судьях и судах и который является главной нормативно-правовой основой второго этапа судебной реформы.

Однако справедливость требует признать, что авторы, отрицающие возможность либо целесообразность создания судебного кодекса, исходят из того, что в судебный

кодекс следует включить не только законодательство о судах и судьях, но и гражданское процессуальное и уголовно-процессуальное законодательство. В то время как в отличие от Украины, Беларуси и других стран СНГ, законодатель Республики Армения включил в Кодекс лишь законодательство о судьях и судах, в основном оставив процессуальные нормы за пределами предмета регулирования Кодекса. Подобный подход мы оцениваем как наиболее целесообразный, поскольку речь идет об отрасли материального права и отраслях процессуального права.

Ст. 2 Кодекса дает следующее определение предмета регулирования Кодекса: «кодекс регулирует отношения, связанные с организацией и деятельностью судебной власти постольку, поскольку они не относятся к Конституционному Суду Республики Армения». Думаем, это общее определение потребует дальнейшего уяснения, поскольку в настоящее время оно в определенной мере отождествляет предмет регулирования судебного права как материальной отрасли права, с предметом регулирования соответствующих процессуальных отраслей права (гражданского судопроизводства, уголовного судопроизводства, а также административного судопроизводства). Пожалуй, правильнее будет определить, что Кодекс не регулирует отношения, связанные с деятельностью судебной власти, а устанавливает функции судебной власти, поскольку возникающие в сфере деятельности судебной власти общественные отношения регулируются не нормами судебного права, а нормами отраслей процессуального права.

В специальной литературе уже справедливо замечено то обстоятельство, что в Судебном кодексе законодатель не всегда исключает нормы процессуального характера. Однако наличие в Кодексе отдельных норм процессуального характера не исключает предложенную нами формулировку, поскольку как мы уже отметили, в теории права возможность подобных частичных совпадений не отрицается и не исключает существование соответствующих самостоятельных отраслей права.

В теории права широко распространено также и то положение, согласно которому предмет регулирования каждой отрасли права определяется соответствующим кодифицированным актом. Именно на этой основе и разграничиваются нормы отдельных отраслей права и устанавливаются пределы применения данной отрасли права к тем или иным видам общественных отношений.

Исходя из этой постановки, попытаемся на основе анализа структуры Судебного кодекса Республики Армения определить тот комплекс общественных отношений, который регулируется нормами судебного права, т. е. – предмет регулирования рассматриваемой отрасли права. Структура соответствующих частей, разделов и глав Кодекса сама по себе позволяет четко выделить сферу общественных отношений, являющихся предметом регулирования судебного права. Подобный анализ в то же

время предоставляет возможности для выявления отдельных структурных неточностей Кодекса и разработки научно обоснованных рекомендаций, нацеленных на дальнейшее совершенствование этого важнейшего нормативно-правового акта.

Судебный кодекс Республики Армения был создан классическим для кодексов способом. Он в основном был сформирован посредством кодификации действовавших ранее трех Законов Республики Армения – «О статусе судей», «О судоустройстве» и «О Совете правосудия». Примечательно, что согласно ст. 2. Закона «О вступлении в силу Судебного кодекса Республики Армения», с момента вступления Кодекса в силу указанные законы были признаны утратившими силу. Однако следует подчеркнуть то обстоятельство, что предметом регулирования Кодекса является более широкий спектр общественных отношений, чем в случае с вышеуказанными законами. Эта действительность обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что Кодекс основывается на концепции единства судебной власти как самостоятельной ветви государственной власти. Именно по этой причине в нем нашло место множество положений, устанавливающих не только структуру органов судебной власти и связи между ее отдельными компонентами, но и особенности судебной власти как отдельной автономной ветви государственной власти – понятие судебной власти, принципы деятельности судебной власти, самоуправление судебной власти.

Различия между объемами предмета правового регулирования Кодекса и действовавших ранее законов обусловлены также установленными Кодексом новыми механизмами отбора, переподготовки судейских кадров: например, введением института Судебной школы. Сказанное, конечно, не означает, что Кодекс лишь расширил объем правового регулирования общественных отношений в сфере судебной власти. Многочисленные виды общественных отношений в этой области получили новаторские правовые решения, соответствующие требованиям независимой и эффективной судебной власти. Эти вопросы будут подвержены подробному анализу в дальнейшем. Сейчас же мы рассматриваем их с точки зрения уточнения предмета регулирования судебного права.

Нормами первого раздела Кодекса регулируются в первую очередь отношения, связанные с судоустройством: устанавливаются рамки полномочий судов общей юрисдикции, гражданских, уголовных и административного судов, а также апелляционных судов и кассационного суда, порядок вступления в силу судебных актов различных судов, численный состав судей и место пребывания каждого суда в отдельности, закрепляется правовой статус председателей судов. По своему характеру судоустройственными являются также закрепленные нормами данного раздела гарантии обеспечения нормального функционирования судов.

Однако думается, что заглавие данного раздела – «Судоустройство» - тем не менее более узко, чем комплекс общественных отношений, регулируемых нормами этого раздела. Виды общественных отношений, регулируемых нормами гл. гл. 1 («Общие положения»), 2 («Принципы деятельности судебной власти») и 10 («Самоуправление судебной власти»), по своему характеру не являются судоустройственными. Они касаются не внутренней структуры судебной власти и функционирования каждого ее компонента, а характеризуют основные понятия, принципы деятельности судебной власти, как определенной целостности государственной власти, как самостоятельной ветви государственной власти, принципы ее деятельности и закрепляют механизмы ее самоуправления.

Нормами второго раздела Кодекса («Статус судей») регулируется тот комплекс общественных отношений, который ранее регулировался в основном Законом РА «О статусе судей». Это - материальные, социальные и другие гарантии деятельности судей, правила поведения судей.

Предмет правового регулирования третьего раздела Кодекса («Совет правосудия») в основном совпадает с объемом общественных отношений, регулируемых утратившим силу одноименным законом. Предмет этот составляют:

- состав и полномочия Совета правосудия,
- составление и утверждение списков судей,
- порядок назначения судей и председателей судов первой инстанции,
- составление и утверждение списков служебного продвижения судей,
- порядок назначения судей и председателей апелляционных и кассационного судов,
- дисциплинарная ответственность и прекращение полномочий судей,
- обсуждение в Совете правосудия вопроса о даче согласия на арест судьи, привлечение его в качестве обвиняемого, привлечение к административной ответственности в судебном порядке,
- рассмотрение вопросов помилования в Совете правосудия.

Думаем, совокупность правовых норм данного раздела можно охарактеризовать как комплексный институт судебного права, который включает в себя как нормы материального права, так и правовые нормы процессуального характера, т. е. нормы, устанавливающие процедуры рассмотрения соответствующих вопросов. Эта оценка становится более обоснованной при учете того обстоятельства, что ряд норм, включенных в рассматриваемый раздел (например, дисциплинарная ответственность и прекращение полномочий судей, обсуждение в Совете правосудия вопроса о даче согласия на арест судьи, привлечение его в качестве обвиняемого, привлечение к административной ответственности в судебном порядке), устанавливая порядок

рассмотрения соответствующих вопросов в Совете правосудия, касается также статуса судей.

Во второй части Кодекса закреплена правовой институт, представляющий собой нововведение в законодательство РА – институт судебной школы. Нормами этого раздела, в частности, устанавливаются: статус и структура Судебной школы, статус слушателя Судебной школы и лиц, включенных в список должностной пригодности судей, процесс обучения и преподавание в Судебной школе, окончание обучения в Судебной школе, переподготовка судей и лиц, включенных в список должностной пригодности судей.

Систему норм третьей части Судебного кодекса можно охарактеризовать как межотраслевой комплексный институт, предметом регулирования которого является комплекс общественных отношений в сфере судебной власти и гражданской службы.

Следует заметить, что Судебный кодекс – основной, но не единственный нормативно-правовой акт, регулирующий отношения в сфере судебной власти. В ряде статей Кодекса делаются ссылки на иные законодательные акты. В частности,

- согласно ст. 85 Кодекса расходы по командированию судей несутся **в размерах и порядке, установленных законодательством** (подчеркнуто нами – О. М.);

- ст. 96 Кодекса устанавливается, что судья, а также связанные с ним лица, являющиеся декларантами, обязаны отправлять копию представляемой **в установленном законом порядке** для декларирования имущества и доходов руководящих работников органов власти Республики Армения декларации Комиссии по этике Совета председателей судов;

- согласно ст. 172 Кодекса, деятельность Судебной школы регулируется Кодексом, Уставом Судебной школы, а также **Законом РА «О государственных некоммерческих организациях»;**

- согласно ст. 195 Кодекса отношения, связанные с судебной службой, регулируются **Законом РА «О судебной службе»**, а трудовые отношения, связанные с судебной службой – **трудовым законодательством;**

- ст. 197 устанавливается, что в случаях, установленных Кодексом, на отношения, связанные со службой судебных распорядителей, распространяются положения **Закона РА «Об уголовно-исполнительной службе»** постольку, поскольку они по своему существу применимы к судебным распорядителям и не противоречат Кодексу.

Очевидно, что нормы и институты, содержащиеся в вышеуказанных нормативно-правовых актах, также являются компонентами судебного права.

Рядом пунктов ч. 3 ст. 72 Судебного кодекса Совету председателей судов, в числе иных полномочий, предоставлены полномочия по утверждению различных

видов правил, порядков, порядков деятельности, паспортов должностей и перечней. Все эти документы содержат или должны содержать общие правила поведения. Причем это правила, которые обязательны к исполнению и нарушение которых чревато неблагоприятными последствиями. Иначе говоря, все указанные документы являются нормативно-правовыми актами. Следует заметить также, что полномочие по утверждению соответствующих нормативно-правовых актов для иных областей гражданской службы, равно как и для муниципальной службы, предоставлено соответствующим государственным органам – Совету гражданской службы и министру территориального управления. Предоставление органу самоуправления судей – Совету председателей судов – этих, по существу государственных властных полномочий также является выражением независимости судебной власти.

Так, Совет председателей судов утверждает: правила, обеспечивающие выполнение требований процессуального законодательства, связанного с судебным следствием (п. 4), правила организации делопроизводства в судах (п. 5), устанавливает описание судейской мантии, перечень типового набора инвентаря для рабочего кабинета судьи (п. 7), паспорта должностей судебной службы (п. 9), перечень наименований должностей судебной службы (п. 10), порядок проведения закрытого конкурса на замещение вакантных должностей судебной службы, а также порядок проведения тестирования, собеседования и оценки качеств претендентов на открытом конкурсе, порядок формирования конкурсных комиссий и порядок их деятельности (п. 11), порядок проведения переподготовки судей и судебных служащих (п. 12) и пр.

Исходя из вышесказанного, судебную власть можно охарактеризовать как самостоятельную отрасль права Республики Армения, состоящую из ряда правовых институтов (включая комплексные институты), предметом регулирования которой является комплекс общественных отношений, связанных с организацией и функционированием судебной власти, подготовкой, отбором и назначением судей, закреплением статуса судей, а также осуществлением судебной службы. Источниками судебного права являются Конституция РА, законы и иные нормативно-правовые акты, а также принятые Советом председателей судов по предварительной санкции государства и содержащие нормы права документы – нормативно-правовые акты.

Одним из важнейших направлений реформирования судебной власти является также структурное преобразование системы судебных органов, а также такое перераспределение полномочий между различными судебными инстанциями, которое могло бы обеспечить максимально эффективное (оптимальное) взаимодействие этих инстанций, с целью осуществления эффективного правосудия.

В этом контексте трудно переоценить значение конституционной реформы 2005 года. Измененной Конституцией прежде всего был уяснен правовой статус

Кассационного суда. Конституция 1995 года не содержала каких-либо положений относительно Кассационного суда. Более того, Конституцией Верховный суд РА был преобразован в Кассационный суд. Конечно можно понять причины, побудившие пойти на этот шаг. В советский период система судебных органов, как и иные системы государственного управления, были чрезвычайно централизованы, что значительно затрудняло возможность самостоятельного осуществления правосудия всеми судебными инстанциями, кроме Верховного суда. Однако думаем, что предпринятые в середине 90-х годов шаги привели к другой крайности. Система судебных органов полностью лишилась важнейшего системного признака – компонента, обеспечивающего единое функционирование системы. Более того, преобразование Верховного суда в Кассационный суд обозначил упразднение высшей судебной инстанции.

Нами уже было отмечено, что система судебных органов, как и любая другая система, должна обладать пирамидообразной структурой. Однако в отличие от, к примеру, системы органов исполнительной власти, это должна быть такая пирамида, которая бы не препятствовала автономному выполнению нижестоящими звеньями своих функций. Эффективность функционирования судебной системы зависит от деятельности каждого из судей. Думаем, конституционная реформа предоставила возможность для верного решения этого вопроса. В частности, Конституцией было закреплено, что Кассационный суд является высшей судебной инстанцией, кроме вопросов конституционного правосудия.

Подробное изучение статуса Кассационного суда выходит за рамки задач нашего исследования. Это тема особого исследования. В плане исследовательских задач диссертации важно лишь выявить и изучить основные направления и методы выполнения высшей судебной инстанцией своего конституционно закрепленного предназначения – обеспечения единообразного применения законов. Ответ на этот вопрос, конечно же, следует искать в действующем законодательстве.

В качестве исходного пункта следует принять положения ч. 3 ст. 50 Судебного кодекса, в соответствии с которыми Кассационный суд принимает кассационную жалобу к рассмотрению, если по мнению Кассационного суда в жалобе обосновано, что:

- 1) решение Кассационного суда относительно поставленного в жалобе вопроса может иметь существенное значение для единообразного применения закона, либо
- 2) пересматриваемый судебный акт явно (*prima facie*) противоречит принятым Кассационным судом ранее решениям, либо

3) нижестоящим судом допущена явная судебная ошибка, которая может повлечь либо повлекла тяжелые последствия.

Думаем, содержание первого положения однозначно и понятно, следовательно, не нуждается в дополнительном толковании.

На наш взгляд, основной целью второго положения является подчеркнуть и законодательно закрепить более высокую юридическую силу решений Кассационного суда и обязательность последних как ориентира для всех нижестоящих судов.

В дополнительном толковании нуждаются примененные в третьем положении понятия «судебная ошибка» и «тяжелые последствия». Сопоставив указанные положения, можно заключить, что как «судебная ошибка» расцениваются судебные акты нижестоящих судов, противоречащие не только требованиям закона, но и принятым Кассационным судом ранее решениям. Что касается понятия «тяжелые последствия», то оно может быть истолковано в двух смыслах: тяжелые последствия в фактическом смысле и тяжелые последствия в формально-правовом смысле. Думается, в первом случае речь идет о тяжелых последствиях для одной из сторон процесса. Во втором случае речь идет о тяжелых последствиях, при учете, что подобная судебная ошибка явно (*prima facie*) обусловлена такими причинами, которые имеют типовой характер, повторимы и могут возыметь определенное «прецедентное» значение.

Здесь мы подходим к проблеме выявления соотношения понятий «судебная политика» и «единообразное применение законов», получившим широкое распространение в постсоциалистической научной литературе.

Изучению проблем судебной политики в постсоциалистической юридической литературе уделяется большое внимание. Относительно этого вопроса, можно сказать, сформирован принципиально единообразный подход. Наиболее четко этот подход сформулирован А. Бараком, посвятившим проблемам судебной политики специальное исследование и характеризующим судебную политику как «комплекс факторов, который направляет судебную власть в процессе выбора из предоставленных ему правом возможностей». Из этого определения можно вывести определенные заключения.

Прежде всего, судебная политика осуществляется в рамках закона. Она подчинена законодательной политике и основывается на ней. В то же время, если бы характер и направления судебной политики были однозначно обусловлены содержанием действующего законодательства, то понятие единообразного применения законов или судебной политики было бы излишним.

Однако законодатель не только предоставляет судье возможность толкования применяемых правовых норм, но и оставляет на усмотрение судьи выбор одного из санкционированных законом вариантов разрешения стоящих перед ним вопросов. По

мнению А. Барака, в основе судебной политики лежит «осмысленное формулирование тех суждений, согласно которым судья выбирает одну из альтернатив, возможных в случае со сложными делами». Наиболее явно сравнительная самостоятельность судебной политики выражается в области назначения наказаний, где политика судов даже в советский период имела свое наименование – уголовная или карательная политика.

Разработка и претворение в жизнь судебной политики не может считаться прерогативой суда какой-либо инстанции. Субъектом, осуществляющим судебную политику, должен быть признан не отдельный суд, а судебная власть в целом – как самостоятельная ветвь власти. Тем не менее роль судов различных инстанций в области разработки и реализации судебной политики различна. Судебная политика не может найти свое выражение в виде программ, деклараций и пр. Единственной формой выражения судебной политики могут быть судебные акты. Отсюда становится очевидной решающая роль Кассационного суда в процессе разработки и реализации судебной политики, суда, который в обязательных для всех других судебных инстанций актах обобщает и направляет судебную политику. Именно поэтому, по утверждению эксперта Ассоциации юристов США А. Казаряна, «сегодня международные донорские организации, оценивая судебно-правовые реформы, в первую очередь обращают внимание не на изменения в текущем законодательстве, а на решения Кассационного суда... Решения Кассационного суда играют сегодня роль особого индикатора оценки эффективности судебной реформы».

А следовательно, мы не можем согласиться с А. Баракком который находит, что именно по своему характеру принципы судебной политики «необязательны для судьи. Если бы принципы эти были обязательными, судебное усмотрение исчезло бы». Думаем, судебное усмотрение может и должно «укладываться» не только в рамки действующего законодательства, но и единой судебной политики. И речь здесь должна идти об общей судебной политике, т.е. политике единой судебной власти, а не «политике» судьи или суда, отдельно взятых.

Однако вышесказанное не дает основание для отождествления двух рассматриваемых нами понятий – «судебной политики» и «единообразного применения законов». Дело в том, что важнейшая отличительная черта судебной политики это целесообразность. Причем цели судебной политики могут быть только правовыми – справедливое применение законов и укрепление правопорядка. Эта политика не может преследовать политические или экономические цели, как это часто бывает в тоталитарных системах. Скажем, в условиях советской действительности перед судами, а следовательно и перед так называемой «судебной политикой» ставилась задача по укреплению борьбы, к примеру, с инакомыслием, взяточничеством

или валютными сделками. Тем самым правовая целесообразность подчинялась политической или экономической целесообразности.

Следовательно, целью деятельности Кассационного суда следует считать не просто обеспечение единообразного применения законов, а их наиболее целесообразное, верное и единообразное (с правовой точки зрения) применение. Однако даже этим на практике не ограничивается предназначение Кассационного суда как высшей судебной инстанции, кроме вопросов конституционного правосудия.

Наличие в законах аксиологических понятий, противоречия, имеющие место в законодательстве, необходимость восполнения пробелов – все это составляет особую область, которая стоит вне судебной политики, но не за рамками судебной власти и, в первую очередь, предназначения Кассационного суда. В указанных областях миссия Кассационного суда не «укладывается» в традиционные рамки судебной политики, если под судебной политикой подразумевается единообразное и целесообразное применение законов. Эту миссию можно выявить лишь в пределах понятия «судебного прецедента».

Следует заметить, что в советской юридической литературе судебный прецедент не признавался в качестве источника права. Однако в постсоветский период ситуация в корне изменилась. Проблеме возможности применения судебного прецедента в странах континентальной правовой семьи и пределов такого применения посвящены многочисленные исследования. В этих трудах, где обосновывается необходимость придания прецедентного значения постановлениям вышестоящих судебных инстанций, отмечается следующее:

- признание суда самостоятельной ветвью власти само по себе предполагает допустимость принятия им правовых норм,
- на начальном этапе процесса построения правового государства имеются основания для принятия факта существования судебного правотворчества или для признания судебной практики в качестве источника права,
- судебный контроль в отношении иных ветвей власти возможен лишь в случае предоставления судам нормотворческих полномочий,
- формирование правовых норм возможно не только законодательным путем, но и в результате деятельности судов.

Пожалуй трудно опровергнуть обоснованность этих доводов. Однако следует заметить, что тенденция к отрицанию целесообразности или наличия судебного прецедентного права все еще не преодолена. Так, С. К. Загайнов, отрицая роль судебного прецедента как источника российского права, отмечает: «...Наша страна имеет собственную историю развития, собственный путь становления и развития

законодательства, иное правовое мышление. Поэтому следует избегать... бездумного заимствования иностранных законодательных институтов».

Для отрицания роли судебного прецедента принципиально похожие доводы приводит и О. Е. Кутафин, по мнению которого «...правовая система России есть и остается системой государства, не приемлющего такого источника права, как судебный прецедент. Следует предполагать, что в настоящих условиях трудно ожидать таких коренных изменений правовой системы, вследствие которых в России также получит признание та же позиция, что в США или Великобритании. Помимо этого, «общее право», которому характерен судебный прецедент, невзирая на свои возможные положительные стороны, это атавизм для российского права». Как видим, вышеуказанный подход не обосновывается какими-либо рациональными аргументами. Отрицание судебного прецедента аргументируется особенностями исторического развития правовой системы России, а также особенностями «национального менталитета». Что касается приведенной О. Е. Кутафиным «аргументации», что трудно ожидать «таких коренных изменений правовой системы, вследствие которых в России также получит признание та же позиция, что в США или Великобритании», то следует заметить, что за последние десятилетия в экономические, политические и правовые системы постсоциалистических стран были привнесены намного более принципиальные и глобальные изменения. Более того, тенденция к сближению систем континентального и «общего права», выражающаяся, в первую очередь, введением судебного прецедента в правовые системы стран континентальной правовой семьи, характерна не только пережившим многочисленные потрясения постсоциалистическим странам, но и уже состоявшимся и стабильным правовым системам, каковой является, к примеру, правовая система Франции.

В отечественной юридической литературе этот факт был подчеркнут Г. Арутюняном: «Исходя из стандартов европейского правового мышления разделения властей, необходимо в корне пересмотреть представления о судебной практике как источнике права. Советская правовая система изначально отвергла такую возможность и переиначила правовое содержание непосредственного действия права. Эта установка вошла в серьезное противоречие, с одной стороны, с образованием Конституционного Суда и его функциональной ролью, а также с новой ролью европейского права и обязательным характером правовых позиций Европейского суда по правам человека, с другой стороны, с принятием конституционного принципа правового государства и фактом признания непосредственного действия прав человека. Насколько бы ни было трудно разрушить эти оковы, тем не менее невозможно, признавая верховенство права, пытаться придерживаться изжитых себя представлений о правовых системах. Преодоление этой установки, признание судебной практики источником права лишь

сделает возможным понимание того, что судебная власть – это не средство выполнения иными институтами власти своего предназначения, а власть, наделенная своим собственным предназначением».

Еще в 2005 году нами было зафиксировано, что «в последние десятилетия право развивается в направлении сближения отдельных элементов двух глобальных систем – континентального и англо-саксонского права». В ходе обсуждения проекта конституционных изменений мы подчеркивали, что ст. 92 решает также следующий важнейший вопрос: устанавливает основы введения в правовую систему Армении судебного прецедента и закрепляет ведущую роль Кассационного суда в деле создания судебного права. В защиту этого подхода выступили также многие другие представители судейского корпуса – А. Мкртумян, Э. Мурадян, Т. Саакян и др. Значение судебного прецедента для нашей правовой системы неоднократно подчеркивал и председатель Конституционного Суда РА Г. Арутюнян. Следовательно можно утверждать, что во всяком случае представители судейского корпуса придают важное значение роли института судебного прецедента в системе права РА.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что в странах романо-германской правовой семьи судебные прецеденты могут формироваться исключительно высшей судебной инстанцией. Об этом свидетельствует также судебная практика РА и многих европейских государств (Франции, Германии, Испании и пр.).

Здесь принципиально важно учитывать следующие обстоятельства. Правомочие формирования судебного прецедента для судей соответствующей судебной инстанции – это не дополнительная возможность реализации каких-либо личных, коллективных либо ведомственных интересов, а весьма трудная и ответственная обязанность. Как уже справедливо отмечалось в юридической литературе, первостепенными предпосылками признания судебного прецедента источником права являются методологическая диалектика, культурологическая грамотность судей и т. д. Судья, создающий судебный прецедент, не может быть наделен лишь качествами, свойственными практикующему юристу. Мы придаем этому обстоятельству особую важность, поскольку авторы, отрицающие значение судебного прецедента в континентальных правовых системах, зачастую пытаются истолковать приверженность к прецеденту со стороны представителей судейского корпуса как стремление последних расширить рамки своих собственных полномочий.

Следовательно, сегодня предметом научных исследований должен стать не вопрос наличия или отсутствия судебного прецедента в системе права РА, а конкретные направления формирования прецедентов и выявление механизмов этого формирования.

Думаем, во всех вышеупомянутых случаях (наличие в законодательстве аксиологических понятий, противоречия и пробелы в законодательстве) необходимость применения судебного прецедента не вызывает сомнения. Попытаемся обосновать эту позицию конкретными примерами. Возьмем за основу то теоретическое положение, согласно которому судебный прецедент – это источник права, т.е. устанавливает новое правило поведения, содержит правовую норму.

Согласно ч. 1. ст. 4 Закона РА «Об отчуждении собственности для нужд общества и государства», для того, чтобы общественный интерес был признан как высший, он должен быть выше интереса собственника отчуждаемой собственности. Согласно ст. 7 Закона, Правительство в своем постановлении должно отметить тот исключительный, высший общественный интерес, для которого должна быть отчуждена собственность. Причем ст. 4 закреплено также, что наличие высшего общественного интереса может быть опротестовано в судебном порядке. Предположим, Кассационный суд рассматривает два дела: в первом Правительство в качестве исключительного, высшего общественного интереса отметило интерес, связанный с защитой государства, во втором – интерес, связанный с развитием коммунального хозяйства страны. Если Кассационный суд в первом случае отклоняет жалобу собственника, мотивируя свое решение тем, что интерес, связанный с защитой государства, выше интереса собственника, то в результате определенно изменяется, конкретизируется гипотеза применяемой нормы. Отклонение жалобы собственника во втором случае будет иметь одинаковые последствия. Теоретически рассмотрение определенной целостности кассационных жалоб по похожим вопросам и формирование системы соответствующих судебных прецедентов может полностью изменить содержание гипотезы данной нормы. Вместо исключительного, высшего интереса, посредством прецедентов будут перечислены все те случаи, когда отчуждение возможно, равно как и те случаи, когда отчуждение невозможно. Опровергнуть прецедентный характер подобных решений Кассационного суда – это, думаем, то же, что исключить нормативный характер тех постановлений Правительства, посредством которых конкретизируя общие положения законов, оно устанавливает, скажем, перечень заболеваний, лечение которых осуществляется в рамках госзаказа или же перечень лиц, на которых распространяются определенные льготы.

Рассмотрим ситуацию в случае применения Кассационным судом принципа аналогии закона или права. Согласно ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса РА «в случаях, когда предусмотренные статьей 1 настоящего Кодекса отношения прямо не урегулированы законом или соглашением сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота, к таким отношениям, если это не противоречит их существу,

применяются нормы гражданского законодательства, регулирующие сходные отношения (аналогия закона)».

Если Кассационный суд рассматривает жалобу, касающуюся безвозмездного пользования имуществом и к неурегулированным отношениям применяет соответствующую норму института найма, то в этом случае не просто изменяется гипотеза нормы, но и пробел в институте безвозмездного пользования имуществом восполняется новой нормой.

При рассмотрении проблемы прецедентных норм, принимаемых Кассационным судом в процессе преодоления пробелов в системе права, следует учитывать еще одно обстоятельство. Теоретически возможны и на практике создаются ситуации, когда становится спорным вопрос о наличии или отсутствии пробела.

Область законодательных противоречий – это та область, где судебный прецедент может, до системного усовершенствования законодательства РА, выполнять важную роль с точки зрения уменьшения числа законодательных противоречий и их отрицательных последствий. Заметим, что не всегда обоснованы и в функциональном плане применимы правила устранения противоречий, закрепленные в Законе РА «О правовых актах». Так, согласно ч. 3 ст. 24 Закона «в случае коллизии принятых одним и тем же органом правовых актов, обладающих равной юридической силой, действуют нормы правового акта, вступившего в силу прежде»..

Конечно, понятно стремление законодателя «дисциплинировать» правотворческие органы, заставить их, в случае принятия новых, обладающих одинаковой юридической силой актов, вносить необходимые изменения в ранее принятые акты и тем самым способствовать уменьшению числа законодательных противоречий. Однако нельзя не учитывать то обстоятельство, что принятие нового правового акта на одну и ту же тему на практике всегда обусловлено закономерностями развития соответствующих сфер общественных отношений, а следовательно, применение указанного правила может стать препятствием на пути к своевременному и необходимому, в плане развития соответствующих сфер общественных отношений, реформированию законодательства.

Согласно ч. 5 той же статьи «в случае противоречий между различными частями одного и того же правового акта действуют положения тех частей, которые вытекают из существа данного правового акта либо из принципов, регулирующих данные правоотношения...». Указанное положение на практике имеет весьма сложную применимость. Во-первых, противоречие не всегда очевидно. Очень часто разницу в содержании различных положений можно истолковать и как протворечие, и как исключение. Во-вторых, думается, что на практике положения любого акта вытекают из существа данного акта, принципов данной отрасли права. А значит, достойна

обсуждения та точка зрения, согласно которой целесообразнее попросту признать утратившим силу действие ст. 24 рассматриваемого закона, поскольку она, предлагая варианты механического разрешения законодательных коллизий, может существенно помешать эффективному преодолению соответствующих коллизий посредством судебных прецедентов.

Между тем считаем, что до того, как законодательство РА будет полностью кодифицировано, именно судебный прецедент является самым эффективным и целесообразным способом разрешения законодательных коллизий. Именно посредством судебных прецедентов и можно решить, которое из противоречащих друг другу положений целесообразнее применить и которое на практике признать не обладающим юридической силой.

На наш взгляд, прецедентное (судебное) право формируется посредством толкования правовых норм. Причем развитие системы права посредством судебного (прецедентного) права может происходить по четырем направлениям:

1. первое направление можно условно назвать «правовым толкованием», т. е. разъяснением с учетом прав и свобод человека, закрепленных в Европейской конвенции;

2. второе направление можно условно назвать «дополнительным толкованием», основное содержание которого состоит в восполнении пробелов действующего законодательства посредством разъяснения с учетом верховенства права и прав и свобод человека;

Следующие два направления можно условно назвать «отрицающим толкованием». Таковыми являются:

3. неприменение судом не соответствующего закону и нарушающего права и свободы человека акта государственного органа;

4. неприменение судом закона, противоречащего нормам Конвенции и нарушающего права и свободы человека.

Закрепленное измененной Конституцией предназначение Кассационного суда – обеспечивать единообразное применение законов – является конституционно-правовой основой также для очерчения круга процессуальных полномочий Кассационного суда. Очевидно, что Кассационный суд может выполнять поставленную перед собой задачу только посредством судебных актов, принимаемых им по конкретным делам. Следовательно, за рамки процессуальных полномочий Кассационного суда выходят все дела, по которым принимаются судебные акты, не имеющие какого-либо значения с точки зрения единообразного применения законов. Для эффективного выполнения своего конституционно-правового предназначения Кассационный суд должен быть освобожден от обязательства по рассмотрению таких категорий дел, которые не

играют существенной роли в процессе единообразного применения законов. Именно этим обстоятельством и обусловлены положения ч. 3 ст. 50 Судебного кодекса.

В числе структурных преобразований судебной власти Республики Армения следует также отметить разделение судов первой инстанции на два звена – суды общей юрисдикции и специализированные суды – и перераспределение процессуальных полномочий между этими судами.

Судебный кодекс РА не отображает понятие суда первой инстанции. Ч. 2 ст. 3 Кодекса лишь устанавливает, что в РА действуют также суды первой инстанции и апелляционные суды. Согласно ч. 3 той же статьи, судами первой инстанции являются суды общей юрисдикции и специализированные суды / *specialized court* - *new*. Следовательно, мы согласны с теми авторами, которые считают, что целостное представление относительно функциональной роли судов первой инстанции можно почерпнуть лишь из определения, данного в теории. Наиболее приемлемо определение, данное К. Ф. Гуценко и М. А. Ковалевым, в соответствии с которым под судом первой инстанции понимается тот суд, который уполномочен принимать решения по существу относительно вопросов, считающихся основными для данного дела.

Согласно ч. 1 ст. 22 Судебного кодекса РА, суду общей юрисдикции подсудны все дела, кроме дел, подсудных гражданским, уголовным и административному судам / *administrative court* - *new*. Как уже было отмечено в специальной литературе, суды общей юрисдикции составляют основную часть судебной системы, в силу того, что они достаточно многочисленны и рассматривают большую часть дел, разрешающихся в судебном порядке. Согласно ст. 24 Судебного кодекса, в Ереване созданы и действуют семь судов общей юрисдикции, а в марзах (областях) – девять судов общей юрисдикции. Место нахождения суда общей юрисдикции муниципалитета (муниципалитетов) расположено на территории соответствующего муниципалитета (одного из муниципалитетов). Центральное место нахождения суда общей юрисдикции марза (области) расположено на административной территории областного центра.

Компетенция гражданских судов устанавливается ч. 1 ст. 27 Судебного кодекса, согласно которой “гражданские суды рассматривают по существу гражданские дела при цене иска, превышающей 5000 размеров минимальной оплаты труда, и иные предусмотренные процессуальным законом дела неимущественного характера, ведут дела о несостоятельности”. Согласно ч. 2. ст. 27 образованы три гражданских суда: Ереванский гражданский суд, судебной территорией которого является административная территория Еревана, Северный гражданский суд, судебной территорией которого являются административные территории Ширакского, Лорийского, Тавушского, Арагацотнского, Котайкского, Гегаркуникского марзов

(областей), и Южный гражданский суд, судебной территорией которого являются административные территории Араратского, Армавирского, Вайоцзорского, Сюникского марзов (областей).

Согласно ч. 1 ст. 31 Кодекса “уголовные суды рассматривают по существу дела о тяжких и особо тяжких преступлениях”. В соответствии с ч. 2 той же статьи созданы три уголовных суда, судебные территории которых совпадают с судебными территориями соответствующих гражданских судов. – uzh@korcas

Согласно ч. 1 ст. 35 Судебного кодекса “Административный суд рассматривают по существу административные дела, предусмотренные Административным процессуальным кодексом”. Согласно ч. 3 той же статьи в РА образован и действует один Административный суд, судебной территорией которого является вся территория Республики Армения.

Прежде заметим, что двухзвенная структура судов первой инстанции и похожее перераспределение полномочий между судами различных звеньев применяются во многих государствах. Целью такого подхода является обеспечение наиболее эффективного и наиболее профессионального разрешения социально-правовых конфликтов. Специализация судов – главенствующая закономерность в современном мире. Подобная специализация является дополнительной гарантией справедливого судебного разбирательства. В некоторых государствах тенденция к специализации судов находит более яркое выражение: создаются также другие суды – суды рассматривающие трудовые, патентные, налоговые споры, дела о несостоятельности и др. Подобный подход позволяет в специализированных – гражданских, уголовных, административных – судах концентрировать судей, обладающих более высокими профессиональными качествами.

Помимо этого, существуют дополнительные доводы, свидетельствующие о необходимости создания отдельных видов специализированных судов. Так, образование специализированных гражданских судов позволило наиболее эффективно разрешить одну из проблем, получивших противоречивые решения в теории и практике судоустройства РА. Речь идет о необходимости образования специализированных хозяйственных судов.

Конституцией 1995 года непосредственно было предусмотрено наличие в судебной системе РА хозяйственного суда. Однако Законом РА «О судоустройстве» от 1996 года хозяйственные суды так и не были образованы. Предполагалось, что хозяйственные споры могут успешно рассматриваться судами первой инстанции. Однако очень скоро стало ясно, что не все судьи судов общей юрисдикции обладают знаниями и общей подготовкой, необходимыми для разрешения хозяйственных споров. Именно это стало причиной тому, что впоследствии был создан специальный

хозяйственный суд. Однако вскоре выявились отрицательные последствия и подобного решения проблемы. Хозяйственный суд стал труднодоступным для находящихся в областях (марзах) хозяйствующих субъектов. Помимо этого стало понятно, что практически невозможно четко размежевать споры, подсудные хозяйственному суду и суду первой инстанции. Начались также сложности в связи с пересмотром хозяйственных споров.

Созданием специализированного гражданского суда, думается, удалось преодолеть отрицательные стороны двух предыдущих решений. Во-первых, вместо одного – действующего в Ереване – хозяйственного суда уже действуют три территориальных гражданских суда, что значительно решает задачу доступности хозяйственного суда. Во-вторых, стало возможным сконцентрировать в вышеуказанных судах судей, обладающих опытом и знаниями, необходимыми для разрешения хозяйственных споров, и тем самым решить проблему обеспечения соответствующей квалификации судьям, рассматривающим хозяйственные дела. Решился также вопрос формирования эффективного механизма пересмотра хозяйственных дел.

В пользу создания уголовных судов есть еще один, не менее важный, аргумент. Подобный подход позволяет еще более эффективно обеспечивать безопасность судей, рассматривающих дела о тяжких и особо тяжких преступлениях, и таким образом способствовать укреплению их самостоятельности и независимости.

Особого внимания достойна проблема специализированных административных судов. На первом этапе судебно-правовой реформы в РА не было образовано и административных судов, а функция по осуществлению административной юстиции была возложена на суды общей юрисдикции первой инстанции. Однако как отмечает Г. Даниелян, «в случае с Республикой Армения уже очевидно, что процедуры предъявления, рассмотрения и разрешения жалоб граждан и общественных объединений против незаконных правовых актов и действий (бездействия) органов исполнительной власти и их должностных лиц не могут в достаточной мере соответствовать требованиям современной концепции защиты прав и свобод человека». Разумеется, создавшееся положение объясняется многочисленными обстоятельствами и, в первую очередь, отсутствием у нас единой концепции административной юстиции. Однако очевидно одно обстоятельство: суды общей юрисдикции первой инстанции не были в состоянии эффективно выполнять функции административной юстиции.

Прежде следует учитывать, что административное судопроизводство имеет ряд особенностей, которые определяют необходимость преобразования процессуальных форм и учета особенностей публичного права. Пожалуй, главная

причина состоит в совпадении территорий судов общей юрисдикции первой инстанции и административно-территориальных единиц. Отрицательные последствия этого совпадения наиболее остры в случае с административной юстицией, «поскольку если в иных делах органы управления не предстают в роли участников процесса, то в данном случае последние не только выступают в качестве участников процесса, предъявляющих самостоятельные требования, но и в статусе такой стороны, которая обязана приемлемыми правовыми средствами обосновать правомерность принятых ею правовых актов и постановлений. Иначе говоря, в данном случае уже затрагиваются жизненные интересы органов управления и их должностных лиц, а в отдельных случаях – вопросы об оставлении в должности этих должностных лиц, возмещении ущерба и иные вопросы подобного характера.

Из этого, пожалуй, вытекает, что в случае с административной юстицией проблема верного выбора обслуживаемой судами территории приобретает такие оттенки, при наличии которых становится необходимым формирование такой судебной системы, которая в наибольшей мере будет в состоянии противостоять возможному вмешательству со стороны органов территориального управления». Одновременно Г. Даниелян отмечает, что это непростая задача, поскольку территориальное несоответствие способствует независимости судов от органов исполнительной власти, однако одновременно создает серьезные трудности для населения, поскольку по причине удаленности обращение в суд для него становится не вполне доступным. Думаем, что путь к преодолению этой сложности лежит не через отказ от идеи создания специализированных административных судов, а через формирование трех территориальных судов по примеру системы специализированных гражданских и уголовных судов.

Таким образом, на втором этапе реформирования судебной власти существенные изменения были внесены во все три ее компонента. По сути сформировалась новая отрасль права и законодательства РА – судебное право и судебное законодательство. Существенные изменения произошли в структуре судебной власти: была создана система новых - специализированных - судов первой инстанции и упразднен Хозяйственных суд. В функциональном плане также были произведены серьезные изменения. Кассационному суду Республики Армения был предоставлен достойный его статус высшей судебной инстанции, и с образованием новой системы властных полномочий было произведено их существенное перераспределение между различными компонентами судебной системы.

3. Судебная власть в общей системе государственной власти.

Укрепление системных признаков судебной власти – необходимая предпосылка, однако недостаточная для наиболее эффективного взаимодействия между будущей судебной властью и законодательной и исполнительной ветвями власти. Задача эта может быть решена посредством выбора верной модели разделения властей, законодательного закрепления и практического применения наиболее эффективной системы взаимных сдержек и противовесов. Как замечает А. А. Власов, задача построения правового государства требует коренных изменений в сфере осуществления правосудия, преобразование судебной власти в практически независимую и самостоятельную ветвь власти. Тогда как проблема укрепления эффективности судебной власти как независимой и самостоятельной ветви государственной власти по большому счету не решена. Данное умозаключение полностью относится и к системе судебной власти РА.

Проблеме быстрого становления судебной власти, ее превращения в реально эффективную силу посвящен ряд фундаментальных исследований. Однако они, как правило, касаются теоретических проблем первого этапа формирования судебной власти.

Конституционные преобразования предоставили возможность не только для совершенствования общей системы судебной власти РА, но и для формирования сбалансированной системы сдержек и противовесов между законодательной, исполнительной и судебной ветвями государственной власти. В этом контексте наибольшее значение имеют следующие изменения:

- ст. 5 измененной Конституции в общем виде закреплен не только принцип разделения (деления) властей, но и принцип баланса этих властей;
- гарантами независимости судов являются не Президент Республики, а Конституция и законы;
- претерпел существенные изменения порядок формирования Совета правосудия: в его состав не входят Президент Республики, министр юстиции и прокуроры;
- расширен принцип коллегиальности в деятельности Совета: упразднен институт председателя и заместителей председателя Совета и закреплено, что заседания Совета ведет председатель Кассационного суда – без права голосования;
- повысилась степень возможности принятия Советом самостоятельных решений: списки кандидатов в судьи и должностного продвижения судей Совет составляет самостоятельно, а не по предложению министра юстиции.

Вышеперечисленные конституционные изменения предоставили новые возможности, посредством упорядочения механизма сдержек и противовесов между

тремя властями, для качественного повышения степени независимости судебной власти.

Прежде чем перейти к анализу этого механизма, пожалуй стоит обратиться к двум проблемам, которые, по нашему мнению, имеют теоретическое и методологическое значение.

Прежде следует обсудить вопрос: который из терминов наиболее четко характеризует взаимодействие трех властей – «деление властей» или «разделение властей»? Думается, вернее будет использование термина «разделение властей». Согласно не подлежащей изменению ст. 2 Конституции Республики Армения, власть в Республике Армения принадлежит народу, который осуществляет свою власть посредством свободных выборов, референдумов, а также через предусмотренные Конституцией государственные органы, органы местного самоуправления и должностных лиц. Следовательно, принадлежащая народу власть по существу своему едина и неделима. Хозяин власти – это и есть народ, и власть эта не может быть поделена между различными государственными органами. Между законодательной, исполнительной и судебной системами могут быть разделены лишь функции по осуществлению единой, принадлежащей народу власти.

Из этого обстоятельства вытекает также второе заключение. В литературе и законодательных актах зачастую используется тезис о «независимости» судебной власти и судей. Опираясь на эту традицию, мы также пользуемся соответствующим термином. Однако корректнее и вернее было бы говорить не о независимости, а об автономности судебной власти и судей. Независимым, суверенным может быть народ, сформировавший государственность. В международных отношениях признак суверенитета, производного от власти народа, получает также государственная власть в целом, в единстве ее трех ветвей. Однако каждая ветвь власти может быть лишь автономной, но никак не суверенной по отношению к двум другим ветвям. Следовательно, мы полностью согласны с той идеей, что отсутствие консолидации, единства государственной власти в ряде случаев может привести к тому, что ветви власти будут не в состоянии прийти к единому решению, разработать единую государственную политику. Следовательно, диалектика организации и функционирования государственной власти состоит в единстве ветвей разделенной власти.

Вторая проблема, имеющая методологическое значение, состоит в следующем: разделение властей – это принцип (требование), или теория, т. е. универсальная система представлений, идей, концепций, которой должны соответствовать

взаимоотношения между тремя ветвями власти в любой системе государственной власти?

Думаем, говорить о единой модели разделения властей лишено всякого смысла. Так, если в президентских республиках (например, в США) принцип разделения властей наиболее ярко выражен именно на конституционном уровне, то в современных конституционных монархиях на первый взгляд разделения властей не существует вообще. Например, в Великобритании верхняя палата Парламента (Палата лордов) традиционно являлась высшей судебной инстанцией, правотворчеством, в форме судебного прецедента, в основном заняты вышестоящие судебные инстанции, члены Правительства (исполнительной власти) одновременно являются членами нижней палаты Парламента. И тем не менее на практике и в Великобритании существует разделение функций между тремя властями, а между последними – четко действующая система сдержек и противовесов, которая и обеспечивает четкие гарантии самостоятельности судебной власти. Поэтому разделение властей должно расцениваться не как теория, а как принцип, требование, и следует не искать и локализовать какую-либо систему разделения властей, а создавать собственный вариант, который отражал бы существенные жизненные условия данного общества и государства.

Очевидно и то, что в постсоциалистических государствах необходимо на конституционном и законодательном уровнях закрепить более действенные гарантии независимости судебной власти, чем это есть в условиях уже состоявшихся демократических режимов, где существуют традиции независимого функционирования судебной власти.

В рамках общего принципа разделения властей проблемы независимости судебной власти можно разделить на два направления: 1) взаимодействие судебной власти и законодательной власти, 2) взаимодействие судебной власти и исполнительной власти. В этом смысле мы полностью согласны с мнением тех авторов, которые считают, что «...судебная власть становится судебной властью в том случае, когда она наделяется определенными возможностями по воздействию на иные ветви власти, вовлекается в систему сдержек и противовесов, что препятствует узурпации всей государственной власти одной из ее ветвей».

Здесь однако нужно избегать опасной крайности. Основной целью применения принципа разделения властей, имеющегося механизма сдержек и противовесов должно быть не только гарантирование необходимой степени независимости судебной власти,

но и обеспечение баланса между тремя властями, поскольку господство судебной власти относительно двух других ветвей чревато бесконтрольностью и произволом последней. Следовательно, говоря о системе сдержек и противовесов, необходимо учитывать, что судебная власть выступает здесь не только в качестве субъекта, но и объекта ограничения государственных властных полномочий.

Конечно, теоретически желаемый механизм взаимоотношений между тремя властями очень прост и бесспорен: законодательная посредством законов устанавливает правила взаимоотношений, исполнительная, при неукоснительном соблюдении требований законов, применяет их, а судебная на основании законов разрешает возникающие в обществе споры. Однако это лишь идеальный вариант, желаемая модель, практическая реализация которой связана с многочисленными препятствиями.

Для того, чтобы верно и четко выявить и оценить особенности системы сдержек и противовесов между судебной властью и двумя другими ветвями власти, разработать полноценные и научно обоснованные рекомендации, направленные на усовершенствование этой системы, необходимо прежде всего выяснить основные точки соприкосновения во взаимодействии между различными ветвями власти. При этом можно с сожалением заметить, что в литературе предметом теоретического анализа являются в основном связи между судебной властью и исполнительной властью. Создается впечатление, что в области взаимоотношений между судебной и законодательной властями каких-либо требующих научного анализа проблем не существует.

Высший представительный орган государства – Национальное Собрание – определяет принципы организации, образования и функционирования судебной власти. В первом разделе главы третьей настоящей диссертации, на основании анализа Судебного кодекса, нами уже были представлены сферы общественных отношений, получившие правовое регулирование именно законодателем. Не повторяясь, придаем важность тому обстоятельству, что законодательные решения не бывают однозначно предопределены. Они всегда могут быть разными, альтернативными. Различным может быть и закрепленный соответствующими процессуальными кодексами процессуальный порядок деятельности судебной власти.

Разумеется, «свобода» законодателя в соответствующих сферах общественных отношений существенно ограничена Конституцией, закрепленными в ней принципами и конкретными нормами. Однако именно содержание соответствующих принципов и

норм Конституции также не бывает predetermined. Содержание Конституции существенно зависит также от субъективного фактора – от мировоззренческих позиций, программ стоящих у власти в данный исторический период политических сил, от их реальной политической воли к проведению демократических реформ. Помимо этого, конституционные принципы и нормы всегда нуждаются в последующей конкретизации, в процессе которой законодатель, тем не менее, обладает широкими возможностями для принятия самостоятельных решений.

Согласно ст. 94 Конституции РА 1995 года гарантом независимости судебной власти являлся Президент РА. После конституционных изменений 2005 года той же статьей Конституции было закреплено, что независимость судебной власти гарантируется Конституцией и законами. Второй подход, пожалуй, более обоснован. В то же время Конституцией и законами могут быть закреплены как реальные гарантии обеспечения независимости судебной власти и отдельных судей, так и механизмы, превращающие отдельных судей, да и судебную систему в целом в приспешников, скажем, правящей партии либо исполнительной власти – путем регулирования процедур по отбору и назначению судейских кадров, финансированию и материально-техническому обеспечению судов, процессуальных вопросов и пр.

Так, до 1990 года суды находились под строгим партийным контролем. Все судейские должности были номенклатурными, и замещались они только по указанию соответствующих партийных органов. До 90 процентов судей были членами коммунистической партии и реализовывали политику последней. «Партийная дисциплина» являлась основным рычагом давления на судей. Судьи районных (городских) судов и члены Верховного суда избирались на определенный срок, что также ограничивало возможности судей по самостоятельному принятию судебных актов. В результате господствовало «телефонное право»: решения и постановления судов согласовывались с партийными комитетами и Верховным судом.

Эффективность деятельности судебной власти во многом зависит и от финансирования и материально-технического обеспечения судов. Нехватка финансирования, в результате которой суды не в полной мере обеспечиваются материально-техническими средствами, может стать серьезным препятствием на пути к обеспечению должного функционирования судебной системы. Нехватка финансирования ограничивает возможность использования судьями современных информационных технологий в процессе делопроизводства, что, в свою очередь, приводит к нарушению сроков рассмотрения дел, судебной волоките и

медлительности, отрицательно отражается на конечных результатах деятельности судов.

Законодательные решения во многом определяют характер взаимоотношений судебной власти с органами исполнительной власти. Скажем, полномочие по составлению заявок на финансирование судебной власти можно возложить на орган исполнительной власти – Министерство юстиции (как это было в советский период), - и мы получим нехватку финансирования либо попросту финансовую зависимость, со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями. Это полномочие можно предоставить и соответствующим структурам судебной власти и, соответственно, получить иные результаты.

Обязанность по охране в судах жизни, здоровья и достоинства, прав и свобод судей, участников процесса и иных лиц, защите территории суда от преступных и иных противоправных посягательств в советский период была возложена на орган исполнительной власти – Министерство внутренних дел. В результате уровень выполнения указанных функций зачастую был далек от эффективности и оказывался в зависимости от взаимоотношений двух органов исполнительной власти – министра юстиции, осуществлявшего организационное управление судами, и министра внутренних дел.

Принятие подзаконных актов, касающихся функционирования судов, можно возложить на высший орган исполнительной власти – Правительство, - либо на Совет председателей судов – получим разные результаты.

Наконец, в состав Совета правосудия можно включить как можно больше представителей исполнительной власти и тем самым существенно ограничить или попросту отказаться от независимости судебной власти, либо исключить участие представителей исполнительной власти и тем самым получить эффективную гарантию независимости судебной власти.

Как видим, «изоляция» органов исполнительной власти от сферы деятельности судебной власти – необходимая предпосылка автономности судебной власти.

Таким образом, текущими законами независимость судебной власти может быть не только гарантирована, ни, наоборот, ограничена.

Возникает вопрос: каковы же те противовесы судебной власти по отношению к законодательной, которые могли бы обеспечить определенный баланс между

указанными ветвями? Думается, предоставление судебной власти каких-либо противовесов для преодоления дисбаланса, закрепленного на уровне конституционных принципов и норм, невозможно. Здесь мы имеем дело с политическими решениями и политикой вообще.

На уровне текущего законодательства наличие таких противовесов возможно и обязательно. Разумеется, нельзя подвергать сомнению правомочие высшего представительного и законодательного органа давать первичное правовое регулирование всем сферам общественных отношений, включая и сферу судебной власти. И тем не менее это не означает, что законодательный орган может закреплять произвольные решения, в том числе, ограничивать закрепленную Конституцией независимость судебной власти, нарушать баланс между тремя ветвями власти, устанавливать несбалансированные системы взаимных сдержек и противовесов. В то время как такая возможность всегда присутствует, и особенно - в условиях демократии, находящейся на этапе формирования. Следовательно, судебная власть должна обладать конституционно закрепленными возможностями защиты от подобных произвольных притязаний.

Согласно ч. 7 ст. 101 Конституции РА в Конституционный Суд могут обратиться также суды – «по вопросам конституционности положений нормативных актов, касающихся конкретного дела, находящегося в их производстве». Думаем, в этом пункте целесообразно добавление нового положения, которым, скажем, Кассационному суду будет предоставлено право обращения в Конституционный Суд - по вопросам конституционности положений актов, ограничивающих независимость судебной власти. Конечно, нашему предложению может быть приведен следующий контраргумент: согласно ст. 49 Конституции Президент Республики обеспечивает нормальное функционирование законодательной, исполнительной и судебной властей, и будучи наделенным правом обращения в Конституционный Суд по вопросам конституционности нормативных актов, именно он в рассматриваемых случаях может обращаться в Конституционный Суд. Однако очевидно, что независимость судебной власти от возможного произвола со стороны законодательной может быть обеспечена лишь в том случае, когда какая-либо институциональная структура системы судебной власти (в данном случае – Кассационный суд) получит не опосредованную, а непосредственную возможность обеспечения независимости для этой ветви власти.

Проблема независимости судебной власти чрезвычайно сложна и затрагивает многие области, начиная с финансирования и материально-технического обеспечения судебной власти и отдельных судов, заканчивая законодательным регулированием

процедур осуществления правосудия, начиная с процедур отбора и назначения судейских кадров, заканчивая процедурами прекращения полномочий судей, привлечения их к дисциплинарной либо к уголовной ответственности.

Автономность судебной власти, естественно, может быть относительной, поскольку она не существует вне зависимости от других ветвей власти: рамки рассматриваемых судами конфликтов устанавливаются законом (т.е. постановлениями законодательной власти), реализация общеобязательной силы постановлений судебной власти часто предполагает выполнение определенных действий исполнительными органами.

Относительно автономное функционирование судебной власти требует обеспечения определенных организационных условий. Это означает, что выполнение материально-технических, кадровых, информационно-аналитических и иных функций не должно зависеть от произвольных решений других ветвей власти, а должно осуществляться под руководством высшего органа судебной власти, при активном участии органов самоуправления судей. Выполнение обеспечительных функций не должно зависеть от произвольных решений других ветвей власти. Можно сколько угодно провозглашать независимость судей и их подчинение только законам, однако если создание необходимых для функционирования судебной системы условий будет зависеть от произвольных решений того или иного органа исполнительной власти, то самостоятельность судебной системы будет формальной, фиктивной.

Здесь следует заметить, что до реализации первого этапа судебной реформы все эти функции координировались органом исполнительной власти – Министерством юстиции. Разумеется, вынося судебные постановления судья может быть независим лишь в том случае, если он несет ответственность только за содержание этих постановлений. Лишь при подобном подходе может быть на практике реализован конституционный принцип независимости судей. Это не означает однако, что решение указанных вопросов должно осуществляться за рамками судебной системы и действующими независимо от нее органами другой – исполнительной – власти.

Пожалуй, Судебным кодексом закреплены эффективные, но не всегда последовательные варианты решения организационных задач в области осуществления правосудия.

В частности, ст. 64 Кодекса подробно устанавливается порядок финансирования судов. Финансирование судов осуществляется через Судебный департамент – в рамках

предусмотренных бюджетом расходов. Финансирование центрального органа и выделенных подразделений Судебного департамента отражается в бюджетной заявке и государственном бюджете отдельной строкой – как суды Республики Армения. Программа среднесрочных расходов и бюджетная заявка представляются руководителем Судебного департамента на утверждение Совету председателей судов. Утвержденные бюджетная заявка и программа среднесрочных расходов в установленный срок представляются для включения в проект государственного бюджета. В чч. 4 и 5 той же статьи Кодекса закреплены две важнейшие гарантии обеспечения финансовой независимости судебной власти. Согласно ч. 5 бюджетная заявка должна содержать все расходы, необходимые для обеспечения нормальной деятельности судов. Согласно ч. 4 высший орган исполнительной власти – Правительство РА – не может вносить произвольные изменения в проект бюджета судов, а обязано попросту принять его и включить в проект бюджета. В случае возражений Правительство может лишь представить эти возражения, вместе с проектом бюджета, Национальному Собранию. Однако и в этом случае Правительство должно представить, не только Национальному Собранию, но и Совету председателей судов, подробное обоснование возражений по бюджетной заявке. Бесспорно, такой порядок может обеспечить финансовую независимость судебной власти.

Для того, чтобы сделать материально-техническое обеспечение судебной власти еще более самостоятельным и эффективным, пожалуй, стоит вывести систему судебной власти за рамки действия Закона РА «О закупках» и предоставить судебной власти возможность самостоятельно решать эти вопросы. Согласно ст. 69 Судебного кодекса материально-техническое обеспечение судов осуществляет Судебный департамент. Думаем, целесообразнее будет не распространять действие вышеуказанного Закона на деятельность Судебного департамента по материально-техническому обеспечению судов, что позволит осуществлять материально-техническое обеспечение судов без вмешательства действующего в структуре исполнительной власти органа – Агентства по государственным закупкам. В качестве компромиссного шага можно рассмотреть вопрос о расширении, посредством внесения в Закон «О закупках», соответствующих поправок, возможностей судебной власти, в лице Судебного департамента, по совершению самостоятельных закупок. В обратном случае невозможно истолковать, почему тот же Закон предоставляет Центральному Банку возможность в рамках своих функциональных расходов самостоятельно производить закупки (ст. 59 Закона РА «О закупках»), а являющаяся самостоятельной и независимой ветвью государственной власти судебная власть

должна в данной области действовать в общем порядке, установленном для иных государственных органов и для органов местного самоуправления.

Одной из важнейших организационных гарантий независимости судебной власти в Республике Армения является образованный сравнительно недавно институт судебных распорядителей. Очевидно, что эффективное правосудие может осуществляться лишь в условиях, когда обеспечена защита жизни, здоровья и достоинства, прав и свобод судей, участников процесса и иных лиц от преступных и иных противоправных посягательств, когда на территории суда обеспечены общественный порядок и безопасность, когда надежно защищены имущество, здание суда и прилегающая к нему территория, когда в оперативном порядке реализуются распоряжения суда, подлежащие непосредственному исполнению на месте. Принимая во внимание указанные обстоятельства, важнейшим шагом в направлении к обеспечению независимости судов РА можно назвать вновь сформированный институт судебных распорядителей. До второго этапа судебной реформы все эти функции были возложены на орган исполнительной власти – Полицию РА. Однако опыт показал, что служба, действующая за пределами и независимо от судебной системы, решает указанные задачи неэффективно. Бесспорно, институт судебных распорядителей, действующий внутри системы судебной власти, в составе Судебного департамента, в состоянии решить эти задачи, причем намного более эффективно.

Важнейшей организационной гарантией независимости судов и судей при осуществлении правосудия является также закрепленная ст. 63 Судебного кодекса система применяемых судом судебных санкций. В случае проявления неуважительного отношения к суду, нарушения нормального хода заседания и нарушений подобного рода суд вправе применить в отношении участников процесса, участвующих в деле лиц, иных присутствующих на судебном заседании лиц следующие судебные санкции: предупреждение, удаление из зала заседаний, судебный штраф. С целью привлечения к ответственности прокурора либо адвоката суд может направить заявления, соответственно, Генеральному прокурору либо в Палату адвокатов.

Достоинно одобрения и то обстоятельство, что рассматриваемой статьей устанавливаются также быстродействующие и эффективные процедуры применения судебных санкций. Так, согласно ч. 3 ст. 63 предупреждение и удаление из зала заседаний применяются выносимым на том же заседании протокольным решением суда. Ч. 4 той же статьи устанавливает, что в случае невыполнения решения об

удалении из зала заседаний, оно выполняется в принудительном порядке, через судебных распорядителей.

Важнейшей гарантией независимости судебной власти явилось также изменение, в процессе конституционных изменений, правового статуса Совета правосудия. Роль и значение Совета правосудия в процедурах организации, формирования и функционирования всей системы судебной власти трудно переоценить.

Ни измененная Конституция, ни Судебный кодекс не содержат каких-либо определений относительно правового статуса Совета правосудия. Однако из перечисленных в пяти пунктах ст. 95 Конституции полномочий становится очевидной решающая роль этого конституционного органа не только в деле отбора и назначения судебных кадров, но и в процедурах привлечения судей к дисциплинарной ответственности, прекращения полномочий судей и привлечения судей к уголовной ответственности. Следовательно, вся система судебной власти оказывается в существенной зависимости от деятельности Совета правосудия.

В подобных условиях чрезвычайно важное значение приобретают особенности конституционно-правового регулирования отношений, связанных с составом и порядком образования Совета правосудия. Думаем, не вызывает каких-либо сомнений выведение из состава Совета правосудия прокуроров и отмена полномочий Совета правосудия по решению кадровых вопросов прокуратуры. Целесообразным явилось и освобождение Президента от обязанности занимать должность председателя Совета правосудия, поскольку на практике Президент Республики участвовал лишь в первых заседаниях вновь образованного Совета и в церемонии принесения клятвы судьями. Что касается выведения из состава Совета правосудия министра юстиции, то в этом вопросе, как отмечает П. Корну, везде не дается один ответ. Во всяком случае, п. 1.3 Европейской хартии о статусе судей предусматривает следующее: «По поводу любого решения, наносящего ущерб выбору, набору, назначению, прохождению службы или прекращению полномочий судьи, статус предусматривает вмешательство независимой инстанции исполнительной власти и законодательной власти, в рамках которой заседает по меньшей мере половина судей, избранных на паритетной основе согласно условиям, гарантирующим самое их широкое представительство». Исходя из этого обстоятельства, П. Корну считает в принципе допустимым участие представителя исполнительного органа в Совете правосудия.

Измененная Конституция упразднила должности председателя и заместителей председателя Совета правосудия. Согласно ч. 2 ст. 94.1 Конституции заседания Совета

правосудия ведет председатель Кассационного суда – без права голосования. Это положение наводит на размышления. Непонятно, почему председатель высшей судебной инстанции не может участвовать в голосовании. Если это делается под предлогом, что позиция председателя Кассационного суда может в процессе голосования подействовать на позиции других членов Совета правосудия, то следует лишить председателя Кассационного суда также права выражать мнение относительно рассматриваемых на заседаниях вопросов. Однако и в таком случае неясно, как председатель Кассационного суда в подобных условиях сможет вести заседания Совета правосудия. Логика требует выбрать один из предложенных вариантов: либо председателю Кассационного суда должно быть предоставлено право голосования относительно рассматриваемых вопросов, либо он вообще не должен иметь отношения к Совету правосудия.

Однако во втором случае должна подвергнуться изменениям вся концепция Совета правосудия. В частности, согласно ч. 1 ст. 112 Судебного кодекса функции аппарата Совета правосудия осуществляет выделенное подразделение Судебного департамента, т.е. подразделение той структуры, руководителя которой, согласно п. 17 ч. 3 ст. 72 того же Кодекса, назначает и отзывает Совет председателей судов, по предложению председателя Кассационного суда. При этом очевидно, что эффективность и содержание деятельности любого коллегиального органа, в том числе и Совета правосудия, зависят от работы лиц, готовящих заседания, и если уж имеется цель полностью нейтрализовать воздействие председателя Кассационного суда на постановления Совета правосудия, то следует найти и законодательно закрепить какой-либо новый механизм организации работы Совета правосудия. Однако в таком случае, думаем, вновь возникнет необходимость в восстановлении должности председателя Совета правосудия, должности, пребывающее в которой лицо должно будет нести ответственность не только за ведение заседаний, но и за организацию работы аппарата, а следовательно, лицо это вновь получит определенные возможности по воздействию на содержание выносимых Советом решений. Непонятно, на кого должна быть возложена эта обязанность, если не на председателя высшей судебной инстанции. В результате мы попадаем в замкнутый круг. Следовательно, наиболее целесообразное решение – это предоставление председателю Кассационного суда права голосования на заседаниях Совета правосудия.

Следует заметить, что проблема ограждения судебной власти от воздействия со стороны исполнительной власти в Судебном кодексе не всегда находит последовательного решения. Так, согласно ч. 1 ст. 155, помимо Дисциплинарной

комиссии Совета правосудия, правом возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей и председателей судов первой инстанции и апелляционных судов обладает также министр юстиции. Пожалуй понятны причины, по которым законодатель воздержался от предоставления права возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей и председателей судов первой инстанции и апелляционных судов председателю Кассационного суда. Однако непонятно, почему министр юстиции наделен указанным полномочием. Создается впечатление, что законодатель, помимо Дисциплинарной комиссии Совета правосудия, не смог «найти» того второго субъекта, которому можно было бы предоставить соответствующее право.

В то время как ч. 2. Ст. 156 лицу, осуществляющему производство в рамках дисциплинарного производства, предоставлены такие широкие полномочия (в частности, по вступившим в законную силу судебным актам истребовать из суда и изучать материалы уголовного, гражданского или любого другого дела; в суде ознакомиться с материалами уголовного, гражданского или любого другого дела, относительно которого еще не имеется вступившего в законную силу судебного акта; требовать у судьи объяснений), осуществление которых представителем исполнительной власти – министром юстиции – можно однозначно расценить как нарушение системы противовесов между исполнительной и законодательной властями. Следовательно, по нашему убеждению, право возбуждения дисциплинарного производства в отношении судей и председателей судов первой инстанции и апелляционных судов следует предоставить только Дисциплинарной комиссии Совета правосудия.

Думаем, необоснованы и те положения ст. 116 Судебного кодекса, согласно которым полученную от государственных органов и должностных лиц информацию (в том числе, секретную информацию) относительно кандидата в судьи, вызывающую сомнения относительно авторитета данного лица и возможности должного осуществления им судейских полномочий, Судебный департамент обязан предоставить как всем членам Совета правосудия и председателю Кассационного суда, так и министру юстиции. Более того, министр юстиции также может получать необходимые сведения относительно кандидатов непосредственно от государственных органов и должностных лиц, делать запросы у лиц, выдавших письменные рекомендации. В процессе составления и утверждения списков кандидатур судей законодательство не предоставляет министру юстиции каких-либо полномочий. А это

наводит на мысль, что рассматриваемые положения были закреплены в Судебном кодексе «по инерции», или же законодатель сыграл с нами «злую шутку».

Но существует еще одна область взаимоотношений между судебной властью и исполнительной властью, где мы видим существенную проблему. Дело в том, что обязанность по исполнению судебных актов Законами РА «О службе, обеспечивающей принудительное исполнение судебных актов» и «О принудительном исполнении судебных актов» возложена на действующую в системе Министерства юстиции одноименную службу. В принципе, это верный подход. Эффективное осуществление правосудия требует, чтобы отдельные судьи и судебная власть в целом были освобождены от обязанности по обеспечению исполнения судебных актов. Кроме того, само по себе исполнение судебных актов - функция именно исполнительной власти. Однако опыт показывает, что указанная служба не всегда вовремя и не всегда неуклонно выполняет требования судебных актов, и особенно в тех случаях, когда в качестве ответчика выступает государственный орган или должностное лицо. В таких случаях Служба принудительного исполнения судебных актов, как правило, воздерживается от применения санкций. Более того, даже в тех случаях, когда Служба и после применения санкций не может обеспечить выполнение требований судебного акта и обращается в Прокуратуру с предложением о возбуждении уголовного преследования в отношении виновных лиц, уже органы Прокуратуры под различными предлогами отказываются от выполнения соответствующих действий. Это обстоятельство было особо подчеркнуто и в Годовом отчете защитника прав человека РА.

В то время как подобная ситуация отрицательно действует, в первую очередь, на авторитет именно судебной власти. У населения формируется недоверие к судебной власти, которая, по мнению граждан, не в состоянии обеспечить выполнение собственных постановлений. Пожалуй, единственный эффективный выход из создавшейся ситуации – это предоставить суду, принявшему судебный акт, право возбуждать в подобных случаях по требованию кредитора уголовное дело и направлять дело в органы предварительного следствия. Не исключено, что исходя из нынешних социально-политических условий, следовало бы рассмотреть вопрос о возложении функции по исполнению судебных актов на судебную власть.

Если к сказанному добавить и то обстоятельство, что в сфере уголовной юстиции качество деятельности судебной власти существенно зависит от результатов работы органов предварительного следствия, то станет очевидным, что в силу тесного

взаимодействия трех ветвей власти, дифференцированная оценка деятельности каждой из них по сути невозможна.

Данное обстоятельство имеет важное значение по той причине, что в общественном правосознании сформировалось то представление, что из трех ветвей государственной власти наиболее коррумпированной, несправедливой, действующей с ошибками и недостатками является именно судебная власть. Именно судебная власть и отдельные ее представители подвергаются наиболее жесткой критике и в средствах массовой информации. В то время как изучение механизма сдержек и противовесов между тремя ветвями власти приводит к выводу, что ошибки и недостатки, допускаемые в ходе деятельности судебной власти, зачастую обусловлены ошибками двух других ветвей власти, необоснованными и произвольными законодательными решениями законодательной власти, невыполнением либо неподобающим выполнением отдельными структурами исполнительной власти и должностными лицами своих обязанностей (органы предварительного следствия и Служба принудительного исполнения судебных актов, их отдельные должностные лица). Поэтому теоретически невозможно и на практике не может одна из трех ветвей власти выполнять свои функции качественно лучше или хуже.

С точки зрения разделения властей можно выделить два основных направления укрепления независимости судебной власти: 1) существенное повышение степени независимости системы судебной власти посредством внедрения механизма взаимных сдержек и противовесов между общей системой судебной власти и двумя другими ветвями государственной власти, 2) законодательное закрепление и практическое обеспечение комплексных мер, направленных на обеспечение независимости судей.

Наличие второго направления укрепления судебной власти объясняется положением ч. 2 ст. 4 Судебного кодекса, согласно которому «каждый судья наделен правомочием осуществлять правосудие». Более того, согласно ч. 4 ст. 18 Кодекса «при единоличном рассмотрении дел судья выступает в качестве суда».

Прежде попытаемся проанализировать закрепленную Конституцией и Судебным кодексом идеальную модель статуса судьи, после чего на основании сравнения идеальной и реальной моделей можно выявить недостатки и пробелы в рассматриваемой области и разработать научно обоснованные рекомендации по их ликвидации.

Согласно ч. 1 ст. 97 Конституции РА «при осуществлении правосудия судья и член Конституционного Суда независимы, подчиняются только Конституции и закону». Для обеспечения такого положения дел в Конституции РА закреплена определенная система гарантий. Таковыми являются:

- несменяемость судьи и члена Конституционного Суда и прекращение их полномочий только в случаях, предусмотренных Конституцией и законом (ст. 96),

- установление гарантий деятельности, а также основ и порядка ответственности судьи и члена Конституционного Суда Конституцией и законом (ч. 1 ст. 97),

- запрет на арест, привлечение в качестве обвиняемого, привлечение к административной ответственности в судебном порядке судьи и члена Конституционного Суда без согласия на то, соответственно, Совета правосудия или Конституционного Суда (ч. 2 ст. 97).

Конституционная система гарантий независимости судей закреплена при использовании различных методов правового регулирования. В одних случаях применяется метод запрета. При этом закрепленные запреты могут распространяться не только на иных лиц или иные государственные учреждения (запрет на привлечение судьи или члена Конституционного Суда к уголовной ответственности или административной ответственности в судебном порядке без согласия на то, соответственно, Совета правосудия или Конституционного Суда), но и на самих судей (судья и член Конституционного Суда не могут являться членами какой-либо партии или заниматься политической деятельностью - ч. 2 ст. 98). В некоторых случаях это - закрепление на конституционном уровне определенных принципов (принцип несменяемости судей). Применяется также метод обязывания. Положение ч. 2 ст. 97 Конституции непосредственно подразумевает обязательство законодательного органа по установлению, на основании конституционных положений, посредством законов, гарантий деятельности и основ и порядка ответственности судей и членов Конституционного Суда. Однако во всех случаях мы имеем дело с гарантиями независимости судей. Даже распространение на судью определенных запретов также является способом оградить судью на этот раз уже от партийного воздействия.

Различна и целенаправленность конституционно закрепленных гарантий. Одни имеют целью оградить судей от произвольного вмешательства со стороны представителей двух других ветвей власти (ст. 96, ч. 2 ст. 97), партийного вмешательства и пр.

В этом смысле достойно внимания положение о закреплении гарантий деятельности судей Конституцией и законами. На первый взгляд создается впечатление, что цель данного положения – обеспечение социально-экономического состояния судей, а не укрепление их независимости. В соответствии с указанным положением текущими законами, в первую очередь, Судебным кодексом РА, закреплена целая система конкретных гарантий.

В частности, нормами гл. 11 Судебного кодекса РА материальные, социальные и иные гарантии деятельности судьи, связанные с оплатой труда и установленными надбавками к ней, отпуском судьи, правом на участие в образовательных программах и т.д. Подобные гарантии устанавливаются также рядом других законов.

Система этих гарантий имеет различную целенаправленность. Пожалуй, можно выделить четыре направления их действия: 1) создание подходящих трудовых условий для деятельности судей, 2) обеспечение подходящих условий жизни для судей, 3) обеспечение вовлечения в состав судейского корпуса наиболее способных юридических кадров, 4) введение таких изменений в систему ценностей судей, которые смогут удержать последних от соблазна улучшения своих социально-бытовых условий путем нарушения закона. Ясно, что рассматриваемая система гарантий также в конечном счете может существенно поспособствовать повышению уровня независимости представителей судейского корпуса.

В Судебном кодексе РА получили отражение и конкретизацию не только конституционные гарантии независимости судей, но и установилась дополнительная система таких гарантий. Основываясь на критерий содержательной целенаправленности этих дополнительных гарантий, их можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют гарантии обеспечения нормальной деятельности суда и судьи в процессе судопроизводства. Это –

- наделение каждого судьи правомочием осуществлять правосудие (ст. 4),
- обязательство всех проявлять уважение к суду и применение судебных санкций, а также иных предусмотренных законом мер ответственности за проявление неуважительного отношения к суду (чч. 1, 2 ст. 6),
- обязательство прокурора уважать независимость и беспристрастность суда и не подвергать сомнению законность судебного акта или не препятствовать его

исполнению, за исключением реализации права опротестования судебного акта (ч. 3 ст. 6),

- закрепленные рядом положений раздела 7 Судебного кодекса РА и направленные на обеспечение нормальной деятельности суда и судьи в процессе судопроизводства полномочия Службы судебных распорядителей.

Универсальной и эффективной гарантией обеспечения автономности как отдельных судей, так и всего судейского корпуса является деятельность органов самоуправления судебной власти – Общего собрания судей РА и Совета председателей судов РА.

Общему собранию судей предоставлено исключительное полномочие – избирать членов-судей Совета правосудия. Важность этого полномочия состоит в том, что судейский корпус получает возможность ввести в состав Совета правосудия наиболее принципиальных, справедливых и беспристрастных своих представителей и тем самым создать определенные предпосылки для объективного рассмотрения и разрешения вопросов в Совете правосудия.

Деятельность указанных органов расценивается нами как универсальная гарантия независимости судей потому, что согласно п. 1 ч. 3 ст. 71 Судебного кодекса Общее собрание судей правомочно «рассматривать любые вопросы, касающиеся обеспечения нормального функционирования судебной власти...». Вопросы, обсуждаемые на Общем собрании судей, могут быть совершенно разнообразными – начиная от задач по созданию для судей подходящих и безопасных трудовых и социально-бытовых условий, кончая проблемами в сфере обеспечения независимости и автономности судей и судебной власти, включая нейтрализацию возможностей произвольного вмешательства в деятельность судебной власти и отдельных судей со стороны представителей других ветвей власти, а также со стороны представителей внутренних структур самой судебной власти.

Рассматриваемое нами положение Судебного кодекса, устанавливая, что Общее собрание судей правомочно рассматривать любые вопросы, касающиеся обеспечения нормального функционирования судебной власти, и закрепляя исключительное полномочие Общего собрания судей - избирать членов-судей Совета правосудия, каким-либо иным образом не конкретизирует полномочия этого органа самоуправления судей. Вместо этого тем же пунктом устанавливается, что Общее собрание судей может обсуждать также вопросы, входящие в компетенцию Совета

председателей судов. В то же время, полномочия Совета председателей судов изложены в Кодексе довольно подробно. Подобный подход мы считаем верным по той простой причине, что институт самоуправления судебной власти - явление новое в нашем законодательстве и во всей системе судебной власти в целом. Следовательно, на данном этапе практически невозможно точно установить рамки вопросов, «касающихся обеспечения нормального функционирования судебной власти». А при таком подходе, даже если какой-либо вопрос, касающийся нормального функционирования судебной власти, выбывает за рамки законодательно закрепленных полномочий Совета председателей судов, он может быть рассмотрен на Общем собрании судей.

По правовым последствиям закрепленные Судебным кодексом полномочия Совета председателей судов можно разделить на две основные группы. В одном случае этот орган может обсуждать и посредством принятия нормативно-правовых либо индивидуальных актов самостоятельно решать вопросы касательно обеспечения нормального функционирования судебной власти, в другом случае он может лишь разрабатывать и представлять компетентным государственным органам соответствующие предложения.

Прежде выделим круг тех отношений, которые Советом председателей судов могут регулироваться посредством принятия нормативно-правовых актов. Эти отношения многообразны и могут быть определенным образом классифицированы. В частности, можно выделить связанные с повседневной деятельностью судов те отношения (утверждение правил, обеспечивающих выполнение требований процессуального законодательства относительно судебного следствия, утверждение правил организации делопроизводства в судах, утверждение описания судейской мантии и перечня типового набора инвентаря для рабочего кабинета судьи, установление иных хранящихся в личном деле судьи сведений и пр.), правовое регулирование которых законодатель возложил на органы самоуправления судей.

В компетенцию Совета председателей судов входит также регулирование отношений, возникающих в сфере отбора, переподготовки и аттестации кадров судебных служащих. Судебная власть, посредством регулирования соответствующих отношений, получает возможность самостоятельно, без вмешательства со стороны законодательных или исполнительных органов, координировать кадровые вопросы в сфере судебной службы, т.е. решать вопросы, которыми напрямую обусловлено качество всей деятельности судебной власти.

Часть своих полномочий Совет председателей судов может выполнять также посредством принятия индивидуальных актов (распределение резервного фонда судов, назначение и отзыв руководителя Судебного департамента по представлению председателя Кассационного суда, утверждение перечня выделенных подразделений Службы судебных распорядителей и т.д.).

Согласно п. 2 ст. 72 Судебного кодекса Совет председателей судов разрабатывает мероприятия и предложения по благоустройству деятельности судов, представляет подобные предложения компетентным государственным органам. П. 3 той же статьи устанавливается, что Совет председателей судов представляет компетентным государственным органам предложения по усовершенствованию законов и иных правовых актов. Думаем, данные положения носят скорее формальный, декларативный характер. Их трудно расценить как практическую правовую гарантию обеспечения независимости судебной власти либо как действенный противовес судебной власти относительно других ветвей власти. Следовательно, на последующих этапах конституционных изменений, возможно, будет целесообразно рассмотреть вопросы предоставления Совету председателей судов права законодательной инициативы или права представлять на обсуждение Правительства проекты правовых актов.

Таким образом, можно констатировать, что на втором этапе судебной реформы существенно расширились конституционно-правовые гарантии независимости и автономности судебной власти. Однако в этой области все еще существуют неиспользованные возможности, потенциал, реализация которого может послужить окончательному разрешению задачи формирования реально независимой судебной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основываясь на научный анализ теоретических и практических проблем относительно конституционно-правовых основ судебной власти, можно сделать ряд выводов и заключений:

1) Анализ проблем судебной власти исключительно в контексте разделения и баланса властей не дает возможности для их всестороннего исследования. При таком подходе внимание исследователей в основном концентрируется на вопросах выявления места и роли судебной власти в общей системе государственной власти. Тогда как очевидно, что о взаимодействии судебной власти и двух других ветвей власти, применении механизма сдержек и противовесов между ними можно говорить лишь в том случае, когда судебная власть представляет собой определенную целостность, наделена системными признаками.

Следовательно, научный анализ проблем судебной власти должен включать две группы проблем: а) судебная власть как самостоятельная система, б) судебная власть как компонент общей системы государственной власти.

2) В юридической литературе предприняты многочисленные попытки изучения системы судебной власти. Однако еще не сформировался единый подход относительно структуры этой системы, отдельных ее компонентов. Подобная ситуация обусловлена не только сложностью проблемы, но и, как нам кажется, неверными методологическими подходами.

Судебная власть, сама по себе представляясь как определенная система, в то же время является частью еще более сложной и широкой системы – целостной системы органов государственной власти. Следовательно, к изучению этой структуры должна применяться такая методология, которая давала бы возможность как выявить компоненты судебной власти и изучить связи между ними, так и рассмотреть судебную власть как компонент еще более общей системы – целостной системы государственной власти. Таким методом научного исследования является системный метод или системный подход.

3) Составляющими системы судебной власти являются: судебное право, как нормативная основа судебной власти, система судебных органов и функция судебной власти.

4) В становлении судебной власти теоретически можно выделить три основных этапа: а) этап частичного реформирования судебной системы, унаследованной от советского периода (1990-1995 гг.), б) этап становления судебной власти (1995-2005 гг., т. е. начиная с принятия Конституции РА до конституционной реформы), в) второй этап реформирования уже образованной судебной власти (с 2005 года по сей день).

5) Конституционные изменения от 27 ноября 2005 года сделали возможным переход к второму этапу судебной-правовой реформы, который может привести к окончательному формированию независимой и эффективно действующей судебной власти.

Целью второго этапа реформы является устранение основных структурных и функциональных недостатков системы судебной власти, а также формирование наиболее оптимальной системы сдержек и противовесов между судебной властью и двумя другими ветвями власти.

6) В результате конституционных изменений существенно расширились конституционно-правовые основы судебного права. В Конституцию был включен ряд новых и необходимых правовых положений, которые явились новшеством для системы права РА. Они касались, в частности, функциональных компонентов судебной власти.

7) Одним из существенных результатов второго этапа судебной реформы явилось окончательное формирование новой отрасли права и законодательства Республики Армения – судебного права и судебного законодательства.

Судебное право можно охарактеризовать как самостоятельную отрасль права Республики Армения, которая состоит из ряда правовых институтов (включая комплексные институты) и предметом регулирования которой является комплекс общественных отношений, связанных с организацией и функционированием судебной

власти, подготовкой, отбором и назначением судей, закреплением статуса судей, а также с судебной службой.

Источниками судебного права являются Конституция, законы и иные нормативно-правовые акты РА, равно как принятые Советом председателей судов по предварительной санкции государства и содержащие правовые нормы документы – нормативно-правовые акты.

8) Важнейшими направлениями реформирования судебной власти являются также структурные преобразования системы судебных органов, а также такое перераспределение полномочий между различными судебными инстанциями, которое способствует их наиболее эффективному (оптимальному) взаимодействию - с целью осуществления эффективного правосудия.

В этом смысле трудно переоценить значение конституционной реформы 2005 года. Измененная Конституция прежде всего уяснила правовой статус Кассационного суда.

Конституцией 1995 года Верховный суд РА был преобразован в Кассационный суд, в результате чего система судебных органов полностью лишилась важнейшего системного признака – компонента, обеспечивающего единое функционирование системы. В результате конституционной реформы 2005 года Конституцией был закреплен статус Кассационного суда, как высшей судебной инстанции, кроме вопросов конституционного правосудия. В результате вся система органов судебной власти восстановила свой важнейший системный признак.

9) Положение ст. 92 Конституции заложила основу введения в правовую систему Армении судебного прецедента и закрепила роль Кассационного суда в деле создания судебного права. Можно утверждать, что сегодня в правовой системе РА институту судебного прецедента уделяется важное место. Не вызывает сомнений и то обстоятельство, что и в странах романо-германской правовой семьи судебные прецеденты могут формироваться высшими судебными инстанциями.

Следовательно, сегодня научные исследования должны быть направлены не на изучение вопроса наличия или отсутствия в системе права РА судебного прецедента, а на выявление конкретных направлений и механизмов формирования прецедентов.

В частности, наличие в законодательстве аксиологических понятий, коллизии и пробелы в законодательстве попросту обязывают к применению судебного прецедента.

В указанных случаях роль судебного прецедента в процессе совершенствования законодательства не вызывает сомнений.

10) Укрепление системных составляющих судебной власти – необходимая, но не достаточная предпосылка для еще более эффективного взаимодействия между судебной властью и законодательной и исполнительной властями. Эта задача может быть разрешена посредством выбора верной модели разделения властей, законодательного закрепления и практического применения наиболее эффективной системы взаимных сдержек и противовесов между тремя ветвями власти.

Конституционные изменения позволили не только усовершенствовать систему судебной власти, но и сформировать сбалансированную систему сдержек и противовесов между законодательной, исполнительной и судебной ветвями государственной власти.

11) В рамках всеобщего требования разделения властей проблемы независимости судебной власти можно разделить на два направления: 1) сфера взаимодействия между судебной властью и законодательной властью, 2) сфера взаимодействия между судебной властью и исполнительной властью.

Здесь важно избежать опасных крайностей. Основной целью реализации принципа разделения властей, нынешнего механизма сдержек и противовесов должно стать не только гарантирование необходимого уровня независимости судебной власти, но и обеспечение баланса между тремя ветвями власти, поскольку господство судебной власти относительно двух других ветвей чревато ее бесконтрольностью и произволом.

12) На втором этапе судебно-правовой реформы существенно расширились конституционно-правовые гарантии независимости и автономности судебной власти. Однако в этой области все еще имеются неиспользованные возможности, ресурсы, реализация которых может послужить окончательному разрешению задачи формирования реально независимой судебной власти.